

«Внешняя политика России на рубеже веков»

Методические советы:

Документы, приведённые ниже, раскрывают основные направления внешней политики России второй половины 19 в- начала 20в.: политику России на Балканах, постепенный и болезненный отход от прогерманской ориентации, складывание франко-русского союза. Раздел 1 отражает состояние международных отношений в целом и представляет отношения России с Германией. В 1881г. был возобновлён «Союз трёх императоров» 1873г. Но он уже являлся не военным союзом, а договором о нейтралитете. В 1884 г. союз трёх императоров был продлён ещё на три года. В 1887г. срок действия договора закончился, а обострение русско-австрийских противоречий на Балканах исключило продление союза. Однако в условиях резкого обострения международных отношений в Европе, после некоторых колебаний и сомнений, германское и российское правительство сочли целесообразным заключить двусторонний договор, вошедший в историю как «договор перестраховки». Срок действия договора 1887г. истёк в 1890г., общая ситуация в Европе делало невозможным его продление. Раздел 2 – иллюстрирует процесс создания русско-французского союза. Студенту необходимо уяснить причины сближения России и Франции, значение созданного союза в системе международных отношений периода, определить характер союза, последствия его образования.

В целом, изучение внешней политики России конца XIX — начала XX в. имеет большое научное и политическое значение. Оно дает возможность глубже понять и уяснить связь внешней политики с внутренней политикой, революционным движением в стране. При изучении внешней политики России конца XIX — начала XX в. необходимо учитывать особенности развития капитализма в эпоху империализма, неравномерность развития капиталистических стран, особую агрессивность монополистического капитала. Неравномерность развития капитализма в эпоху империализма обусловила ожесточенную борьбу за колонии, за рынки. С конца XIX в. главными противоречиями в Европе стали противоречия между Англией и Германией. Англо-германский антагонизм неизбежно вел к войне. В конце XIX — начале XX в. усилилась борьба империалистических государств за влияние на Дальнем Востоке. Главным объектом их политики стал Китай. Здесь сталкивались интересы всех крупнейших капиталистических держав. После японо-китайской войны 1894—1895 гг. Дальний Восток стал главным направлением во внешней политике правительства России. Студент должен очертить основные этапы развития политики России на Дальнем Востоке, имеющиеся подходы в среде высшего руководства страны для её реализации, определить своё отношение к развернувшимся событиям русско-японской войны и её итогам, также выявить значение последствий этой войны.

Примечание: абсолютное большинство документов приведены с сокращениями, не большими, однако, чем в хрестоматиях-источниках.

Источники:

раздел 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕЛОМ. **ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ.**

№1

Берлинский трактат

Берлин, 1/13 июля 1878 г.

Берлинский трактат явился завершением русско-турецкой войны 1877-1878 гг., причем в его заключении приняли участие все великие державы, вынудившие Россию к пересмотру прелиминарного Сан- Стефанского мирного договора. В итоге приобретения России и воевавших на стороне России за свою независимость балканских государств были сильно урезаны, а Австро-Венгрия и Англия получили даже определенные приобретения от войны, в которой не принимали участия. Со стороны России подписан А.М.Горчаков¹.

СТАТЬЯ 1

Болгария образует из себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, под главенством е.и.в. султана; она будет иметь христианское правительство и народную милицию.

СТАТЬЯ 6

Временное управление Болгарии, до окончательного составления органического устава Болгарии, будет находиться под руководством российского императорского комиссара...

СТАТЬЯ 13

На юг от Балкан образуется провинция, которая получит наименование «Восточной Румелии» и которая останется под непосредственною политическою и военною властью е.и.в. султана на условиях административной автономии. Она будет иметь генерал-губернатором христианина.

СТАТЬЯ 25

Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы

¹ Горчаков Александр Михайлович (1798-1833) – князь, российский государственный деятель, дипломат, канцлер с 1867 г. В 1856-1882г. – министр иностранных дел России.

Австро-Венгрией...

СТАТЬЯ 26

Независимость Черногории признается Блистательной Портой и всеми теми высокими договаривающимися сторонами, которые еще ее не признавали.

СТАТЬЯ 43

Высокие договаривающиеся стороны признают независимость Румынии при условиях, изложенных в двух нижеследующих статьях.

СТАТЬЯ 45

Княжество Румыния уступает обратно е.в. императору всероссийскому часть Бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 г...

СТАТЬЯ 46

Острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеинный, Тульчинский санджак, вмещающий округа (казы) Килию, Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстендже, Меджидие присоединяются к Румынии. Княжество, кроме того, получает территорию, лежащую на юг от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря, к югу от Мангалии.

СТАТЬЯ 58

Блистательная Порта уступает Российской империи в Азии территории Ардагана, Карса и Батума, с портом последнего, равно как и все территории, заключающиеся между прежней русско-турецкой границей и следующей пограничной чертой (линия Чорох-Бардуз-Аракс).

СТАТЬЯ 60

Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьей XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции.

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 332-333.

ИЗ ДНЕВНИКА ПА. ВАЛУЕВА² ОБ ИТОГАХ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА

30 июня 1878 г.

Публикуется с сохранением особенностей авторского текста

Окончательная конгрессная сделка состоялась, по-видимому, 27-го. Из С.-Стефанской акварели гр. Игнатьева осталось немного. Болгария сужена и разрезана на-двое; Австрия займет Герцоговину и Боснию; что-то прирезано из Добруджи или к Добрудже, чтобы вознаградить Румынию за возвращаемый нам клочек Бессарабии. Некий городок отходит к Персии; некоторые некрупные местности - к Черногории и Сербии. Каре, Ардаган и Ольты остаются за нами. Кроме того, нам отдается Баум, "преимущественно" для торговли... Между тем, Англия еще 23/IV, 14/V заключила с Турцией особый трактат, в смысле соединенной обороны на случай нового с нашей стороны нападения, и взяла себе остров Кипр, в виде второй Мальты.

У нас много крика...

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.333.

№ 3

Договор, заключенный между Россией, Германией и Австро-Венгрией

Берлин, 6(18) июня 1881 г

Заключено в Берлине. Явилось попыткой в условиях обострения русско-австрийских противоречий сохранить "Сока трех императоров" 1873 г. Со стороны России подписано Сабуровым.

Дворы германский, австро-венгерский и российский, равно одушевленные желанием укрепить всеобщий мир путем соглашения, имеющего целью обеспечение взаимной обороны их государств, пришли к соглашению по некоторым вопросам, особенно затрагивающим их взаимные интересы.

Статья I

² Валуев Пётр Александрович (1814-1890) – граф, российский государственный деятель. сенатор, статс-секретарь и член Государственного совета. В 1861-1868 гг. – министр внутренних дел. В 1872г. – министр государственных имуществ. В 1877-1880 гг. – председатель Комитета министров. Занимал крайне консервативные позиции, участвовал в полемике со славянофилами по общественным вопросам.

В случае если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с четвертой великой державой, две другие сохраняют по отношению к ней благожелательный нейтралитет и приложат старания к локализации конфликта.

Это условие выполняется и в случае войны одной из трех держав с Турцией, но только если предварительно между тремя дворами будет заключено соглашение касательно результатов этой войны...

Статья II

Россия, в согласии с Германией, заявляет о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом.

Три двора, желая избежать всяких разногласий между собой, связуются взаимно считаться с интересами договаривающихся сторон на Балканском полуострове. Сверх того, они дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном status quo³ Европейской Турции могут произойти не иначе как по взаимному их соглашению...

Статья III

Три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами ...

Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала течения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства путем предоставления для военных операций воюющей державы той части своей империи, которую образуют проливы.

В случае нарушения этого обязательства или для того, чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность этого, все три двора предупредят Турцию, что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимущества территориальной неприкосновенности, обеспеченной Берлинским трактатом.

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.333-334.

³ Status quo – с лат. существующее положение.

Протокол, присоединенный к договору о «Союзе трех императоров»

Берлин, 6(18) июня 1881 г.

Нижеподписавшиеся уполномоченные е. в. императора германского, короля прусского, е. в. императора австрийского и е. в. императора всероссийского, утвердив, согласно статье II заключенного сегодня секретного договора, пункты, касающиеся интересов трех дворов Германии, Австро-Венгрии и России на Балканском полуострове, относительно которых было уже достигнуто между ними соглашение, постановили следующее:

1. Босния и Герцеговина

Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать эти две провинции в момент, который она признает подходящим.

2. Ново-Базарский санджак

Декларация, которую подписали австро-венгерский и российский уполномоченные на Берлинском конгрессе 13/1 июля 1878 года, остается в силе.

3. Восточная Румелия

Три державы единодушно признают, что возможность оккупации Восточной Румелии, или Балкан, была бы чревата опасностями для всеобщего мира. В случае надобности они приложат усилия к тому, чтобы отклонить Порту от подобного шага, причем, само собой разумеется, Болгария и Восточная Румелия должны будут, со своей стороны, воздерживаться от того, чтобы вызывать на это Порту нападениями со своих территорий на другие провинции Оттоманской империи.

4. Болгария

Три державы не будут противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским трактатом, в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силой вещей. Они согласились отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно Македонии, и объявить им, что в подобном случае они действовали бы на свой страх и риск.

5. Действия агентов на Востоке

Во избежание столкновений интересов на почве местных вопросов три двора снабдят своих представителей и агентов на Востоке руководящей инструкцией, предписывающей им стремиться улаживать их разногласия в каждом отдельном случае дружескими переговорами, а в случаях, когда бы это им не удалось, сообщать о том своим правительствам.

6. Настоящий протокол является неотъемлемой частью секретного договора, подписанного сегодня в Берлине, и имеет такую же силу и такое же значение.

В удостоверение чего каждый из уполномоченных сторон его подписали и скрепили своими печатями.

Учинено в Берлине 18 июня 1881 года

Хрестоматия по истории СССР, 1861-1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «История»/ Сост. В.Ф.Антонов и др.; Под ред. В.Г.Тюкавкина. – М.: Просвещение, 1990. С.228-229.

№ 5

Запись В. Н. Ламздорфа⁴ о заявлении германского посла об отказе продлить «перестраховочный» договор 1887 г.

Среда, 23 мая 1890 г.

Германский посол действительно приезжает к министру и привозит длинную депешу от канцлера Каприви, в которой излагаются мотивы, препятствующие Германии возобновить заключенный с Россией 6/18 июня 1887 г. секретный договор... Это совершенно определенный отказ возобновить наше соглашение, но приведенные мотивы так мало убедительны и даваемые им объяснения настолько неудовлетворительны, что они произвели на министра крайне неприятное впечатление; признаюсь, что мое еще более тягостно. На выраженное г. Гирсом удивление по поводу принятия такого решения после всего того, что в дни отставки Бисмарка было сказано императором Вильгельмом Шувалову, германский посол отвечает: «Поверьте мне, вы не должны придавать такого значения этим словам; какую пользу принес бы договор при таких условиях?» Затем он заметил, что новый канцлер потому против нашего тайного договора, что он «не желает, чтобы думали, что он в заговоре с Россией против Европы». Министр ему очень хорошо ответил: «А между тем, состоя в лиге с другими державами, вы не боитесь, что могут подумать, что вы в заговоре против России». Впрочем, Швейницу поручено передать тысячу заверений в миролюбии и желании жить в дружбе; он прибавляет, что когда министр познакомится с генералом Каприви, он убедится, что с таким прямым и порядочным человеком можно всегда сговориться и быть совершенно покойным даже и без письменных соглашений.

Мы, конечно, не можем подать и вида, что мы испытываем какое-либо беспокойство или хотя бы неудовольствие в связи с отказом Германии, но в общем их образ действий в этом вопросе не только не успокоителен, но даже

⁴ Ламздорф В.Н. (1844-1908) – граф, государственный деятель России. Служил в Министерстве иностранных дел с 1866 г., дослужился до поста министра (1900-1906). В 1882-1896гг. служил директором канцелярии МИД, и через его руки проходила вся дипломатическая переписка, поэтому его дневники являются достоверным и интересным источником по истории внешней политики России. Включённый отрывок живо передаёт реакцию его и министра иностранных дел Н.К.Гирса на изменение курса внешней политики Германии, в связи с чем последняя после отставки Бисмарка отказалась от продления договора 1887г.

не корректен. Надо признаться, что мы, во всяком случае, могли бы достигнуть более приличных результатов.

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.229-230.

раздел 2 СОЗДАНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

№ 6

**Письмо посла России в Париже Моренгейма
французскому министру иностранных дел Рибо**

Париж, 15/27 августа 1891 г

Г. министр,

Во время моего недавнего пребывания в С.-Петербурге, куда я был вызван по повелению моего августейшего монарха, государю было угодно снабдить меня специальными инструкциями, изложенными в прилагаемом в копии письме, посланном на мое имя его превосходительством г. Гирсом, министром иностранных дел, которое его величество благоволил предписать мне сообщить правительству республики.

Во исполнение этого высочайшего повеления я вменяю себе в обязанность довести этот документ до сведения вашего превосходительства, в твердой надежде, что его содержание, предварительно согласованное и сообща формулированное нашими двумя кабинетами, найдет полное одобрение французского правительства и что вы, г. министр, сообразованно, согласно желанию, выраженному г. Гирсом, почтять меня ответом, свидетельствующим о полном согласии, счастливо установившемся на будущее время между нашими двумя правительствами.

Дальнейшее развитие, которое эти два согласованные и установленные сообща пункты не только допускают, но которое должно составить их естественное и необходимое дополнение, может стать предметом доверительных и строго личных переговоров и обмена мнений в тот момент, в который это будет найдено своевременным тем или другим кабинетом, и там, где они сочтут для себя возможным приступить к ним в нужное время.

Отдавая себя на этот случай в полное распоряжение вашего превосходительства, я счастлив воспользоваться подобным случаем, чтобы просить вас принять уверения в моем глубочайшем почтении.

МОРЕНГЕЙМ

№ 7

**Письмо министра иностранных дел России Гирса
послу России в Париже Моренгейму**

Париж, 9/21 августа 1891 г.

Г. посол,

Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого возобновления Тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало во время недавнего пребывания здесь г. де-Лабулэ обмен мнениями между французским послом и мною с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях, в случае возникновения известных обстоятельств, была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза, тем не менее искренно желают создать самые действительные гарантии для сохранения мира. Таким образом, мы пришли к формулированию нижеследующих двух пунктов:

1) В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны улаиваются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств.

Доложив государю об этих переговорах, а равно и текст принятых окончательных формулировок, я имею честь вам ныне сообщить, что его величество соизволил полностью одобрить означенные принципы соглашения и согласиться на принятие их обоими правительствами.

Сообщая вам об этой высочайшей воле, я прошу вас довести это до сведения французского правительства и уведомить меня о тех решениях, на которых, со своей стороны, оно остановится. Примите и проч.

ГИРС

№ 8

**Письмо французского министра иностранных дел Рибо
послу России в Париже Моренгейму**

Париж, 15/27 августа 1891 г.

Г. посол,

Вы сооблаговостили по приказанию вашего правительства сообщить мне текст письма императорского министра иностранных дел, в коем заключаются специальные инструкции, которыми его величество император Александр решил снабдить вас в результате вызванного общеевропейским положением последнего обмена мнений между г. Гирсом и послом французской республики в Петербурге. Вашему превосходительству было поручено выразить в то же время надежду, что содержание этого документа, предварительно согласованное между двумя кабинетами и сформулированное сообща, встретит полное одобрение французского правительства. Я спешу поблагодарить ваше превосходительство за это сообщение. Правительство [республики] может оценить положение, создавшееся в Европе в силу тех обстоятельств, при которых состоялось возобновление Тройственного союза, лишь так же, как это делает императорское правительство, и вместе с ним считает, что наступил момент определить позицию, при нынешней обстановке и при наступлении известных событий наиболее целесообразную для обоих правительств, одинаково стремящихся обеспечить гарантии сохранения мира, заключающиеся в поддержании равновесия сил в Европе. Я счастлив поэтому сообщить вашему превосходительству, что правительство республики полностью присоединяется к двум пунктам, которые являются предметом сообщения г. Гирса и которые сформулированы следующим образом:

1) В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны улаживают договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий необходимым для обоих правительств.

Я отдаю себя, впрочем, в ваше распоряжение для обсуждения всех вопросов, которые при нынешнем общеполитическом положении привлекут особое внимание обоих правительств.

С другой стороны, императорское правительство, подобно нам, несомненно, отдает себе отчет в том, насколько важно было бы поручить специальным делегатам, которых следовало бы назначить в ближайший срок,

практически изучить те меры, которые надлежит противопоставить событиям, предусмотренным во втором пункте соглашения.

Обращаясь с просьбой довести до сведения императорского правительства ответ французского правительства, я считаю долгом отметить, как ценно было для меня иметь возможность оказать содействие, по мере моих сил, утверждению согласия, которое всегда было предметом наших общих усилий. Примите и проч.

А.РИБО

Интернет-ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FORIGIN/francrus.htm>

№ 9

Проект военной конвенции от 5/17 августа 1892 г.⁵

Одушевленные одинаковым стремлением к сохранению мира, Франция и Россия, имея единственной целью подготовиться к требованиям оборонительной войны, вызванной нападением войск Тройственного союза против одной из них, договорились о следующих положениях:

1. Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать для нападения на Германию. (Первоначальный французский проект: «Если Франция или Россия подвергнутся нападению со стороны Тройственного союза или одной Германии...»)*

2. В случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из входящих в него держав, Франция и Россия немедленно, по получении известия об этом, не ожидая никакого предварительного соглашения, мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и двинут их как можно ближе к своим границам.

(Первоначальный французский проект: «В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной Германии...»)

3. Действующие армии, которые должны быть употреблены против Германии, будут со стороны Франции равняться 1300.000 человек, со стороны России – от 700.000 до 800.000 человек. Эти войска будут полностью и со всей быстротой введены в дело, так чтобы Германии пришлось сражаться сразу и на востоке и на западе.

4. Генеральные штабы обеих стран будут все время сноситься друг с другом, чтобы подготовить и облегчить проведение предусмотренных выше мер.

⁵ Фактические различия с самой конвенцией 1892г. отсутствуют.

Они будут сообщать друг другу в мирное время все данные относительно армий Тройственного союза, которые известны им, или будут им известны. Пути и способы сношения во время войны будут изучены и предусмотрены заранее.

5. Ни Франция, ни Россия не заключат сепаратного мира.

6. Настоящая конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и Тройственный союз.

7. Все перечисленные выше пункты будут сохраняться в строжайшем секрете.

Интернет-ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/francrus.htm>

№ 10

Письмо министра иностранных дел России Гирса послу Франции в С.-Петербурге Монтебелло

С.-Петербург, 15/27 декабря 1893 г.

Весьма секретно.

Изучив по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанный русским и французским генеральными штабами в августе 1892 года, и представив мои соображения императору, я считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что текст этого соглашения в том виде, как он был в принципе одобрен его величеством и подписан ген.-ад. Обручевым и дивизионным генералом Буадефром, отныне может рассматриваться, как окончательно принятый в его настоящей форме. Оба генеральных штаба будут иметь, таким образом, возможность периодически сговариваться и обоюдно обмениваться полезными сведениями.

Интернет-ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/francrus.htm>

№ 11

Письмо посла Франции в Петербурге Монтебелло министру иностранных дел России Гирсу

С.-Петербург, 23 декабря 1893 г./4 января 1894 г.

Я получил письмо, которое Ваше превосходительство сооблаговостили адресовать мне 15/27 декабря 1893 г. и которым Вы извещаете меня о том, что, изучив по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанной русским и французским генеральными штабами, и доложив императору все свои соображения, Вы

сочли долгом уведомить меня, что это соглашение, в том виде, как оно было в принципе одобрено его величеством и как его подписали в августе 1892 года уполномоченные для этой цели правительствами соответствующие представители сторон: – ген.-ад. Обручев и дивизионный генерал Буадефр, может отныне рассматриваться как окончательно принятое.

Я поспешил известить об этом решении свое правительство, и я уполномочен заявить Вашему превосходительству, с просьбой довести это решение до сведения е.в. императора, что президент Республики и французское правительство также рассматривают вышеупомянутую военную конвенцию, текст которой одобрен той и другой стороной, как подлежащую выполнению. В силу этого соглашения оба генеральных штаба теперь будут иметь возможность периодически сговариваться и обоюдно обмениваться полезными сведениями.

МОНТЕБЕЛЛО

Интернет-ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/francrus.htm>

раздел 3 ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

№ 12

Союзный договор между Россией и Китаем

22 мая/3 июня 1896 г.

Заключен в Москве. Явился следствием активизации внешней политики России на Дальнем Востоке и укрепления её позиций в Цинской империи (Китае). В свою очередь, это привело к обострению русско-японских противоречий в данном регионе. Со стороны России договор подписан А.Б.Лобановым-Ростовским⁶.

СТАТЬЯ 1

Всякое нападение Японии, как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи, будет рассматриваться, как повод к немедленному применению настоящего договора.

В этом случае, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и, елико возможно, помогать друг другу в снабжении вооруженных сил.

СТАТЬЯ 2

⁶ Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824-1896) – российский дипломат, в 1895-1896 гг. – министр иностранных дел.

Как только обе высокие договаривающиеся стороны предпримут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной не может быть заключен одной из них, без согласия другой.

СТАТЬЯ 3

Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов, которые найдут со стороны китайских властей всяческое содействие, в котором они могут нуждаться.

СТАТЬЯ 4

Чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ в угрожаемые пункты и обеспечить их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гириинскую провинции, в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права е.в. императора китайского. Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут предоставлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в С.-Петербурге и Русско-Китайским банком.

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.337

№ 13

Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове 1898 год

Пекин, 15 (27) марта 1898 г.

Русско-китайская конвенция 1898 г. Согласно документу Россия получала в полное и исключительное арендное право на 25 лет Порт-Артур и Дальний вместе с прилегающим водным и территориальным пространством. Особо отмечалось, что аренда не нарушит верховных прав Китая на эти территории.

Статья I

В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая е. в. император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты

Артур (Люгунь-коу) и Та-лянь-вань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендой этой, однако, никоим образом не нарушаются верховные права е. в. императора китайского на вышесказанную территорию.

Статья III

Срок аренды устанавливается в двадцать пять лет со дня подписания настоящего соглашения и может быть затем продолжен по обоюдному соглашению между обоими правительствами.

Статья IV

В течение означенного срока на арендуемой русским правительством территории и на прилегающем к оной водном пространстве все военное командование сухопутными и морскими силами, а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям и будет сосредоточено в руках одного лица, но без присвоения ему звания губернатора или генерал-губернатора. Никакие китайские военно-сухопутные силы на означенной территории не будут допущены. Китайским жителям предоставляется, по их желанию, выселиться из пределов арендуемой Россией территории или же остаться в оной без препятствия со стороны русских властей. В случае совершения китайским подданным преступления в пределах арендуемой территории виновный будет препровожден ближайшим китайским властям для суда и наказания по китайским законам, как сказано в восьмой статье Пекинского договора 1860 года.

Статья V

К северу от обозначенной выше границы арендуемого участка устанавливается нейтральная зона. Границы этой зоны будут установлены сановником Сюй-Цзин-чэном с Министерством иностранных дел в С.-Петербурге. На пространстве означенной нейтральной зоны гражданское управление будет всецело в руках китайских властей; китайские же войска будут допускаться только по согласию с русскими властями.

Статья VI

Оба правительства соглашаются, что Порт-Артур, как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китайским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом. Что касается до Та-лянь-ваня, то кроме одной из внутренних бухт, которая, наравне в Порт-Артуром, будет назначена исключительно для нужд русского и китайского военных флотов, остальное пространство этого порта будет считаться открытым для иностранной торговли и свободный доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Статья VII

Русское правительство принимает на себя на свой собственный счет и своими средствами возвести на уступленной ему в арендное пользование площади и, в частности, в портах Артуре и Та-лянь-ване все необходимые для флота и сухопутных сил сооружения, возвести укрепления, содержать в них гарнизон и вообще принять все необходимые меры для действительной обороны означенной местности от неприятельского нападения. Равным образом русское правительство обязуется на свой счет поставить и содержать маяки и другие предохранительные знаки, необходимые для безопасности мореплавания.

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.338-339.

№ 14

Мирный договор между Россией и Японией

Портсмут, 23 августа/5 сентября 1905 г

Портсмутский договор подвёл итоги русско-японской войны. проигранной Россией. Со стороны России подписан С.Ю.Вите.

СТАТЬЯ I

Мир и дружба пребудут отныне между их величествами императором всероссийским и императором Японии, равно как между их государствами и обоюдными подданными.

СТАТЬЯ II

Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтить необходимым принять в Корее...

СТАТЬЯ III

Россия и Япония взаимно обязуются:

1) эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I статьи, приложенной к сему договору, и

2) возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или

японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории.

Российское императорское правительство объявляет, что оно не обладает в Маньчжурии земельными преимуществами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая или несовместимыми с принципом равноправности.

СТАТЬЯ V

Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству, с согласия китайского правительства, аренду Порт-Артура, Талиена и прилегающих территорий и территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, связанные с этой арендой или составляющие ее часть, и уступает равным образом императорскому японскому правительству все общественные сооружения и имущества на территории, на которую распространяется вышеупомянутая аренда...

СТАТЬЯ VI

Российское императорское правительство обязуется уступить императорскому японскому правительству, без вознаграждения, с согласия китайского правительства, железную дорогу между Чан-чунь (Куан-чен-цзы) и Порт-Артуром и все ее разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу...

СТАТЬЯ VII

Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических. Установлено, что это ограничение не касается железных дорог на территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова.

СТАТЬЯ IX

Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории...

СТАТЬЯ XI

Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом...

Хрестоматия по истории России: учеб. пособие/авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиев, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С.374-375.

№ 15

ПОРТСМУТСКИЙ МИР

глава из воспоминаний Витте С.Ю.

В конце июня президент американской республики, Рузвельт, предложил свои услуги для того, чтобы привести Россию и Японию к примирению.

При каких условиях произошли переговоры с Японией, закончившиеся портсмутским трактатом — все это обрисовано в систематических документах, находящихся в полном порядке в моем архиве. Из систематического тома этих документов видно, как возникла мысль о мирных переговорах, какие были получены главноуполномоченными инструкции по ведению этих мирных переговоров, каким образом переговоры эти велись, благодаря чему они привели к мирному разрешению вопроса, а поэтому в настоящих моих отрывочных стенографических заметках я эту часть дела излагать не буду. Я коснусь только некоторых более или менее внешних событий и инцидентов того времени, которые не содержатся в сказанном томе документов.

Когда явился вопрос о назначении главного уполномоченного для ведения мирных переговоров, то граф Ламсдорф словесно указывал Его Величеству на меня, как на единственного человека, который, по его мнению, мог бы иметь шансы привести это дело к благополучному концу. Его Величеству не угодно было ответить графу Ламсдорфу в утвердительном смысле, хотя Его Величество и не сказал «нет».

Нужно сказать, что в это время, после моего ухода с поста министра финансов, я был в своего рода опале, в какой я очутился {353} после того, когда я покинул пост председателя совета министров,— во всяком случае я не находился в милости.

С другой стороны, все то, что я предсказывал относительно той политики, которая была ведена Безобразовым и компанией, при содействии министра внутренних дел Плеве, а равно и о последствиях войны, которые, по моему убеждению, должны были произойти от этой политики, — все, почти буквально, сбылось и сбылось даже значительно в большей степени, в значительно большем размере, нежели я предсказывал.

При таком положении дела, естественно, что у Его Величества являлись в отношении меня особые чувства.

Достаточно знать характер крайне мягкий, деликатный, Государя Императора, чтобы понять, что после всего происшедшего Его Величеству было не особенно удобно приблизить меня опять к себе, назначив главным уполномоченным по такому великому государственному делу, как ведение переговоров с Японией.

Не говоря уже о моих личных предупреждениях Государя о последствиях войны, которые я делал официально во всех комиссиях, — ранее войны, в отчаянную минуту, когда я видел, что дело ведется к тому, что война непременно произойдет — я счел необходимым, как я это уже рассказывал — высказать мои сомнения и опасения в форме полнейшего убеждения моему большому приятелю князю Шервашидзе, прося его доложить о моем убеждении Императрице-матери, при которой кн. Шервашидзе состоит.

Князь Шервашидзе исполнил эту мою просьбу и мне сделалось известно, что Императрица говорила об этом с Императором, но Его Величество высказал, что он не видит никакой опасности и что войны не будет.

Я привожу этот эпизод, как такой факт, который несомненно свидетельствует, что Его Величеству были отлично известны мои убеждения и мои старания предотвратить от России и ее монарха великие бедствия, и что мои старания не увенчались успехом потому, что Его Величеству не угодно было в этом вопросе оказать мне доверие, которое Государь мне милостиво оказывал в других случаях.

* Как то раз мне граф Ламсдорф сказал, что решили с нашей стороны первым уполномоченным назначить посла в Париже Нелидова и что теперь идет речь, где съехаться уполномоченным.

{354} Рузевельт желает, чтобы переговоры велись в Америке, но что было бы удобнее съехаться в Европе. Я ему сказал, что было бы всего удобнее съехаться где-либо не далеко от театра военных действий, но если делать выбор между Америкой и Европой, то, пожалуй, будет удобнее в Америке, чтобы по возможности устрануться от интриг европейских держав.

Затем был экстренно вызван наш посол в Риме Муравьев. Граф Ламсдорф мне сказал, что Нелидов отказался от поручения, ссылаясь на свои лета и здоровье, что Извольский, наш посланник в Дании, также отказался, заявив, что единственно кому можно было бы дать такое трудное поручение, это Витте, в виду его авторитетности, как в Европе, так и на Дальнем Востоке, и что Государь решил поручить эту миссию Муравьеву. Муравьев по приезде провел у меня целый вечер, говорил, что являлся Государю, который поручил ему ехать в качестве уполномоченного в Америку вести мирные переговоры с японскими делегатами, что по его мнению при настоящем положении вещей необходимо заключить мир, о чем он откровенно доложил Государю, что он понимает, что на него возлагается самая неблагодарнейшая задача, ибо все равно — заключит ли он мир или нет, при настоящем

положении России его будут терзать одни, уверяя, что, если бы мир не был заключен, то мы победили бы, — для оправдания позора войны, а другие, в случае незаключения мира, что все последующие неизбежные несчастья произошли от того, что он не заключил мира, но что тем не менее он решился на это пожертвование своей личностью и согласился оказать эту услугу Государю.

Затем он спрашивал, кого я ему советую взять с собою, я указал на нашего посланника в Пекине Покотилова и директора департамента казначейства Шипова, (который затем был министром финансов в моем кабинете после 17-го октября), как лиц бывших все время моими сотрудниками по делам Дальнего Востока.

Тогда же Муравьев мне говорил, что как он счастлив, что своевременно ушел из чепухи, которая творится в Петербурге, и высказывал, что живя теперь за границею и видя действия парламентарного устройства, даже в такой стране, как Италия, где масса социалистов и крайних, он пришел к тому убеждению, что после всего происшедшего, Россию может спасти только конституция.

Он пробыл у меня целый вечер и не было нисколько заметно, что он нездоров, напротив того он говорил, что чувствует себя отменно.

{355} Прошло несколько дней, в течение которых я не видал Муравьева.

После одного из заседаний комитета министров явился граф Ламсдорф в ленте, что давало всем основание думать, что он приехал от Государя, и сказал мне, что желает со мною переговорить. Мы удалились в кабинет председателя комитета министров и тут граф Ламсдорф мне заявил, что он приехал от Государя, дабы из частной беседы узнать, не соглашусь ли я взять на себя переговоры о мир с Японией и для сего ехать в Америку; что Государь, ранее нежели мне делать это предложение, поручил ему в виду наших личных хороших отношений узнать это от меня, так как Государю конечно будет неловко получить от меня отказ. Я его спросил..

«А что же Муравьев?»

Ламсдорф мне ответил, что Муравьев вчера был у Государя, заявил, что он совсем болен и не может принять возлагаемую на него миссию, что даже прослезился у Государя и что Его Величество ему, Ламсдорфу, сказал, что Ему действительно показалось, что Муравьев болен. На вопрос мой: — «как же вы объясняете себе этот инцидент?» Ламсдорф мне ответил, что Муравьев, совсем не зная этого дела и вообще не имея никаких дипломатических сведений, как умный человек, все-таки понял всю опасность, которой он себя подвергает, а во вторых, он очень интересовался вопросом, сколько будет назначено на поездку первого уполномоченного, рассчитывая на 100 тысяч рублей, и был очень смущен, когда я ему сказал, что Государь, по моему докладу, уже назначил первому уполномоченному 15 тысяч рублей». Затем я спросил графа Ламсдорфа, не может ли он поехать сам или предложить назначить своего товарища князя Оболенского. Граф мне ответил, что он оставить свой пост не может, а его товарищ (и самый интимный друг) князь Оболенский на эту роль не годится. Потом он начал

взывать к моему патриотизму, дабы я не отказался. Я ответил, что не считая по моему положению возможным уклониться от этой миссии, я ее приму, но если Государь лично меня попросит или прикажет. *

Вечером я уже получил приглашение Его Величества на другой день приехать к Нему. На другой день утром, это было 29 июня, последовало мое назначение главным уполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией и на другой день утром я был у Государя и Государь меня благодарил, что я не отказался от этого назначения, и сказал мне, что Он желает искренно, чтобы переговоры {356} пришли к мирному решению, но только Он не может допустить ни, хотя бы, одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли. Что же касается того военного положения, в котором мы ныне находимся, то я должен поехать к главнокомандующему войсками Петербургского округа и председателю обороны Великому Князю Николаю Николаевичу, который мне и разъяснит положение нашей армии на Дальнем Востоке.

Таким образом, мой разговор с Его Величеством был очень краток... Это было в Царском Селе. Из Царского Села я возвратился в Петербург и поехал прямо к министру иностранных дел и передал ему те указания, которые дал мне Государь Император.

Министр иностранных дел поинтересовался узнать, желаю ли я, чтобы со мною поехали все те лица, которые были назначены для Муравьева, или же я желаю сделать перемены; на что я ответил, что я считаю неудобным кого-нибудь менять, потому что это было бы обидно для тех, которые назначены, между тем я не имею в виду никого обижать. Он мне сказал, что со стороны военного министерства и действующей армии состоят при главном уполномоченном назначены: генерал Ермолов, наш военный агент в Англии, а из действующей армии полковник Самойлов, наш военный агент в Японии и лейтенант Русин.

Точно также граф Ламсдорф спросил меня, желаю ли я сохранить ту инструкцию, которая была дана Муравьеву, или же я желал бы другую инструкцию, на что я сказал, что мне это безразлично, при этом у нас было обусловлено, что эта инструкция для меня не будет обязательна, а только я ею буду пользоваться постольку, поскольку я сочту нужным.

Когда я от графа Ламсдорфа уходил, то он меня спросил:

«Скажите, пожалуйста, Сергей Юльевич, какие у вас отношения с В. Н. Коковцевым, ведь он был вашим товарищем по министерству финансов, в сущности говоря, человек, вами созданный, между тем он как будто не вполне к вам относится дружески».

Я его спросил, в чем дело. Он на это мне ответил: когда я был в комитете министров и выходил из кабинета, после того, как вы сказали, что вы согласны принять место уполномоченного и я считал вопрос решенным, то он спросил меня, для чего я приезжал к председателю комитета министров. Я ему сказал и думал, что он обрадуется, а он мне на это ответил: Очень жаль, что председатель комитета министров назначается на это место,

ибо это {357} означает, что мир будет заключен, потому что Сергей Юльевич пойдет на всякие условия.

Это тем не менее не мешало В. Н. Коковцеву и перед моим выездом в Америку и во время моего пребывания в Америке все время телеграфировать мне свои мнения, клонящиеся к мирному ведению и к мирному окончанию переговоров.

При честности и благородстве графа Ламсдорфа, ему показался очень странным разговор его с Коковцевым по поводу моего назначения главноуполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией.

На другой день после того, как я имел счастье быть у Государя, я был у Великого Князя Николая Николаевича. Великий Князь мне сказал, что он, со своей стороны, отказывается высказать какое бы то ни было мнение относительно того, следует ли окончить войну миром и какие условия могут быть приняты; что он со своей стороны ограничится только передачей мне того положения, в котором находится наша действующая армия в настоящее время, и затем уже он предоставляет мне вывести из этого те или иные заключения, причем он мне указал, в каком положении находится действующая армия, на что можно надеяться и на что можно рассчитывать, передав, что эти заключения не есть его личные мнения, а что они истекают из тех заключений, к которым пришло совещание из военных, бывших под его председательством.

Великий Князь мне довольно обстоятельно объяснил положение дела со свойственной ему определенностью речи, которая сводилась к следующему: 1. Наша армия не может более потерпеть такого крушения, какое она потерпела в Ляояне и Мукдене; 2. при благоприятных обстоятельствах с возможным усилением нашей армии имеется полная вероятность, что мы оттесним японцев до Квантунского полуострова и в пределы Кореи, т. е. за Ялу, что для этого вероятно потребуются около года времени, миллиарда рублей расхода и тысяч 200—250 раненых и убитых, и 3. что дальнейших успехов без флота мы иметь не можем; 4. что в это время Япония займет Сахалин и значительную часть (Вариант: некоторые части.) Приморской области. Великий Князь выражал мнение, что во всяком случае невозможно соглашаться на отдачу Японии хотя пяди исконно-русской земли. Управляющей морским министерством Бирилев мне сказал, что вопрос с флотом покончен. Япония является хозяином вод {358} Дальнего Востока. Что же касается мирных условий, то невозможно соглашаться на какие бы то ни было унижительные условия, что касается уступок территориальных, то по его мнению возможно уступить часть того, что мы сами в благоприятные времена нагнали.

Я тогда же записал резюме разговора со мною Николая Николаевича и эта запись находится в моем архиве. Кроме того, впоследствии я сообщил об этих заключениях как министру иностранных дел, так и военному министру. Это было через несколько лет после войны, вследствие полемики, которую возбудил генерал Куропаткин. Я хотел, чтобы в обоих министерствах был след тех указаний, которые были мне даны со стороны главнокомандующего

и председателя комитета обороны, когда я уезжал в Америку вести мирные переговоры.

Я знаю, что когда я эти указания сообщил министру иностранных дел Сазонову и военному министру Сухомлинову, то первый из них приказал мое письмо приложить к соответствующим бумагам Его Императорского Высочества, а военный министр Сухомлинов письмо это докладывал Государю и Государь подтвердил, что то, что я сообщил, верно, что действительно эти указания мне были даны со стороны Великого Князя Николая Николаевича.

После того, как Великий Князь мне передал официально эти документы, я на другой день явился к Его Величеству откланяться и хотел Ему Всеподданнейше доложить то, что мне передал Великий князь, но Государь, как только я начал докладывать, мне сказал, что это ему известно, так как Николай Николаевич ему доложил об этих заключениях.

Когда маркиз Ито узнал, что я еду главноуполномоченным, то он очень жалел, что он не может ехать, и это сожаление выразил в телеграмме, но уже в то время Комура со своей свитой уехал в Америку.

* Итак, после свидания с Государем, о котором сказано выше, и получении Его кратких указаний, я выехал 6-го июля 1905 года в Америку заключать мирный договор. Были ли у Государя по этому предмету совещания и с кем именно, мне неизвестно. Я знаю, что главнокомандующий постоянно сносился с Его Величеством, но каковы были мнения по этому предмету главнокомандующего Линевица, мне также было неизвестно. Я лично до самого заключения договора не получил от Линевица ни слова. Куропаткин, который оставил пост {359} главнокомандующего, остался под начальством Линевица в качестве командующего одной из армий, еще ранее, нежели Государь меня назначил главноуполномоченным для ведения переговоров, написал мне краткое письмо (находится в моем архиве), в котором он говорит, что теперь армия значительно усилилась и что они победят, «если не будут опять сделаны ошибки». Но ведь Куропаткин все время говорил, что победит, не отступить от Мукдена, не сдаст Порт-Артура, а мы несмотря на его уверения все время теряли сражения за сражениями, и как теряли — с каким позорами..

Я лично уверен, что Линевиц и Куропаткин молили Бога о том, чтобы мне удалось заключить мир, так как им оставался только один выход — это после заключения мира кричать: «Да, нас били, но если бы мир не был заключен, то все-таки мы победили бы».

Что касается положения наших финансов, то мне, как члену финансового комитета, бывшему так долго министром финансов, было и без министра финансов хорошо известно, что уже мы ведем войну на текущий долг, что министр финансов сколько бы то ни было серьезного займа в России сделать не может, так как он уже исчерпал все средства, а за границею никто более России денег не даст.

Таким образом дальнейшее ведение войны было возможно, только прибегнув к печатанию бумажных денег (а министр финансов в течение войны и без того увеличил количество их в обращении вдвое, с 600 миллионов на 1200 миллионов рублей), т. е. ценою полного финансового, а затем и экономического краха. Такое положение произошло с одной стороны по неопытности министра финансов Коковцева, а с другой вследствие оптимистического настроения относительно результатов войны.

Коковцев — это тип петербургского чиновника, прошедший всю жизнь в бумажной петербургской работе, в чиновничьих интригах и угодничестве. Сперва он служил в тюремном управлении, а потом в государственной канцелярии и дошел до поста статс-секретаря департамента экономии. Министр финансов имел всегда больше всего дело с этим департаментом. Когда открылся пост одного из товарищей министра финансов, то председатель департамента Сольский и другие члены просили меня взять на это место Коковцева, так как им будет удобнее всего иметь дело с ним. Я его взял и он служил у меня лет шесть, покуда не был, не без моего сильного содействия, назначен государственным секретарем.

Когда он {360} был у меня товарищем, то касался только дел бюджетных и налоговых и не имел никакого отношения к делам банковым и вообще кредитным, каковыми делами занимался мой другой товарищ Романов. Когда я покинул пост министра финансов, то на мое место был назначен почтеннейший человек Плеске, управляющий государственным банком, но он через несколько месяцев умер, и тогда при содействии Сольского и, главным образом, моем был назначен Коковцев. Содействовал же я этому назначению, опасаясь, что последует гораздо худшее. Коковцев человек рабочий, по природе умный, но с крайне узким умом, совершенно чиновник, не имеющий никаких способностей схватывать финансовые настроения, т. с. способности государственного банкира. Что касается его моральных качеств, то он, я думаю, человек честный, но по натуре карьерист и он не остановится ни перед какими интригами, ложью и клеветой, чтобы достигнуть личных карьеристических целей. Когда началась война, то он не спешил с займами, рассчитывая, что будет удобнее их делать впоследствии, когда проявится сила нашего оружия. Между тем результаты войны оказывались все плачевнее и плачевнее. Вместо того, чтобы с первого начала сделать большие займы, он все торговался с банкирами, делая их постепенно, а потому кредит наш все понижался и понижался, и условия для займов делались постепенно все более и более неблагоприятными. Такую политику поддерживал в нем и финансовый комитет.

Из журнала заседания финансового комитета, в котором участвовали морской, военный и министр иностранных дел, видно, что я один, слабо поддерживаемый графом Ламсдорфом, выражал крайне пессимистические воззрения по поводу последствий войны. Вследствие такой политики, когда был заключен мир и началась революция, то, чтобы избежать финансового краха, мне явилась необходимость совершить в это страшное время громадный заем в 800 миллионов рублей, и это обстоятельство значительно

обуславливало мою политику и образ действия. Коковцев же ушел после 17-го октября, свалив этот громадный дефицит на мою шею.

Изложенные обстоятельства крайне неблагоприятно подействовали на наш государственный кредит. Вторая главная ошибка Коковцева, из многих других, совершенных по его неопытности и самомнению, заключалась в том, что он значительно и без всякого оправдания увеличил количество кредитных билетов в обращении. Страны, имеющие правильное денежное обращение, основанное на свободном обмене на металл, прибегали к значительному увеличению кредитных билетов в обращении только в случай больших войн, {361} когда не было возможности покрывать расходы путем кредитных операций. Значительное и быстрое увеличение кредитных билетов может иметь оправдание в случае внезапного экономического резкого кризиса, когда центральный банк вынуждается оказать большую и внезапную помощь.

Ни одного из этих обстоятельств не существовало. Все расходы войны были покрыты займами, причем главный заем сделан мною в то время, когда я был в течение шести месяцев председателем совета министров и Коковцев не был министром финансов.

Кризис, потребовавший помощь государственного банка, произошел от революционной паники, направленной на сберегательные кассы. Вследствие сего, банк должен был оказать помощь этим кассам. Это произошло опять таки, когда я был председателем совета и Коковцев не был министром финансов. Затем паника эта прошла и сберегательные кассы вернули деньги банку. Кредит же, оказываемый государственным банком торговле за время войны, не увеличился. Таким образом, ни война, ни потребности торговли не вызвали увеличения ссудных средств банка, а между тем Коковцев ухитрился увеличить количество кредитных билетов в обращении, как я уже упомянул выше, с 600 до 1200 миллионов рублей и кроме того увеличил в обращении на 150 миллионов рублей билетов государственного казначейства, имеющих свойства кредитных билетов. Произошло это потому, что Коковцев, в моменты, когда нужны были деньги, выпускал кредитные билеты, но затем не гасил их, когда для сказанных нужд делались займы.

Поэтому устойчивость денежного обращения в России, т. е. гарантия размена на металл крайне уменьшилась и я, при неблагоприятных обстоятельствах и анархии не исключаю возможности в ближайшее время прекращения размена и финансового краха.

По этому предмету, когда в прошлом году я вернулся из заграницы, я в частном совещании у Коковцева разъяснил этот вопрос. Затем мы обменялись записками. Весь материал по поводу сего инцидента находится в моем архиве. Со временем материал этот может быть весьма полезным для финансистов-практиков и теоретиков.

Все лица, которые должны были сопровождать первого уполномоченного или участвовать в переговорах, были назначены, когда предполагали назначить первым уполномоченным Муравьева, в том числе {362} вторым уполномоченным был назначен наш посол в Америке барон

Розен. Лица эти были следующие: член совета министра иностранных дел профессор Мартенс, очень хороший человек, с громадным багажом знаний, заслуженный профессор международного права С. Петербургского университета, почетный член многих заграничных университетов, пользующейся, может быть, случайно большою известностью за границей, крайне ограниченный человек, если не сказать более, но с болезненным самолюбием. Чиновник министерства иностранных дел Плансон, тип угодливого чиновника, ныне наш генеральный консул в Корее. Он был при наместнике Дальнего Востока Алексеев в Квантуне и был угодливым исполнителем его — Алексеева — политики, приведшей нас к войне.

Наш посол в Китае, весьма умный, талантливый и отличный человек, Покотилов, прекрасно знающий Дальний Восток, был всегда против войны и убежденный сторонник заключения мира, так как понимал, что продолжение войны кончится еще большими бедствиями. Покотилов приехал из Китая, когда уже начались переговоры и почти не принимал никакого участия в этом деле, но имел нравственное влияние на Розена, как безусловный сторонник мира. Затем двое молодых талантливых секретарей, чиновники министерства иностранных дел, Набоков и Коростовец. От министерства финансов был назначен директор департамента казначейства, будущий министр финансов в моем кабинете после 17-го октября, Шипов, умный, талантливый и недурной человек, и при нем два чиновника. От военного ведомства генерал Ермолов, бывший и в настоящее время состоящий военным агентом в Лондоне, а в то время заведывавший всеми заграничными военными агентами, человек умный, хороший, культурный, приличный, но немного слабый характером. Он выражал мнение, что мир желателен, мало верил в то, что мы можем иметь успех на театре военных действий, весьма заботился, что ему делает великую честь, чтобы при переговорах и в особенности в мирном договоре не было задето достоинство нашей доблестной, но безголовой армии, и чтобы военное начальство было в курсе переговоров.

Со вторым уполномоченным военного ведомства, полковником Самойловым, я встретился на пароходе, когда тронулся из Шербурга. Он до войны был военным агентом в Японии, а после был при главной квартире действующей армии. Он человек весьма умный, культурный и знающий. Никаких сведений мне от Линевица не привез и никакой инструкции не получил.

Он же мне категорически заявил, оговорив, что это его личное мнение и убеждение, что никакой надежды на малейший {363} наш успех на театр военных действий нет, что дело окончательно проиграно, и что поэтому, по его убеждению, необходимо заключить мир, во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уплатить значительную контрибуцию. От морского ведомства был назначен капитан Русин, который заведывал канцелярией по морским делам при главнокомандующем. Он приехал прямо из действующей армии, когда я уже был в Портсмуте, и высказал те же взгляды, как и Самойлов, но осторожнее и сдержаннее. Он вообще относился к благоприятному дальнейшему ходу войны скептически. С бароном Розеном я близко

познакомился лишь тогда, когда приехал в Америку. Это человек хороший, благородный, с посредственным умом логического балтийского немца, очень отставили от положения дел в России, относительно вопроса о мире колебавшийся, покуда не ознакомился с рассказами полковника Самойлова и капитана Русина. Вернее говоря, он был за мир, когда выяснилось, что он будет достигнуть на тех условиях, на которых он был достигнуть. Он человек воспитанный, вполне джентльмен, не принимая сколько бы то ни было активного участия в переговорах, оказывал мне во всем полное содействие.

Выехав из Петербурга 6-го июля 1905 года, я сел на пароход в Шербурге 13-го утром. Из Петербурга я поехал с прислугой и меня сопровождала до Шербурга моя жена, а до Парижа мой внук Лев Кириллович Нарышкин, которому тогда было несколько месяцев. В Париже я его передал его родителям, Нарышкиным.

В Париж я был встречен послом и громадною толпою народа и почти всею русской колонией. Я несколько дней пробыл в Париже, чтобы видетсья с президентом кабинета министров Рувье и президентом республики Лубэ. Я заговорил с Рувье, что России во всяком случае потребуются деньги или для ведения войны, если мне не удастся заключить мир, или для ликвидации таковой в случае заключения мира. Рувье мне заявил, что Россия должна иметь в виду, что при настоящем положении вещей она не может рассчитывать на французский денежный рынок, что по его мнению России необходимо заключить мир, что по его сведениям это будет возможно только при уплате Японии контрибуции, и что Франция окажет содействие России для такой уплаты, так как она, как союзница России, главным образом заинтересована в том, чтобы Россия покончила {364} эту несчастную войну и развязала себе руки в Европе; покуда вся военная сила России находится на Дальнем Востоке, она является бессильной союзницей Франции на случай каких либо осложнений в Европе.

Я ответил Рувье, что, будучи убежденным сторонником мира, я ни в каком случае не соглашусь на такой договор, по которому пришлось бы уплатить один су контрибуции. Россия никогда контрибуции никому не платила и не будет платить. По поводу этого моего заявления Рувье сказал, что Франция в 70-х годах уплатила громадную контрибуцию Германии и это не умалило ее достоинства, — на это я заметил, что если японская армия подойдет к Москве, тогда, может быть, и мы будем относиться к вопросу о контрибуции иначе. Лубэ, который нарочно приехал из Рамбулье, чтобы со мною повидаться, также настойчиво советовал мне заключить мир.

Он мне говорил, что из донесений французских офицеров, бывших и ныне находящихся при действующих армиях, очевидно, что дальнейший ход военных действий не может быть для нас более благоприятный, нежели был до настоящего времени, и что потом мирные условия будут еще более тягостные.

Затем мне Лубэ сказал конфиденциально, что он имеет положительные сведения, что Япония поддерживает смуты в России и антирусское движение в европейской прессе.

Чтобы объяснить настроение, как президента республики, так и главы кабинета, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства, происшедшие в международном положении во время несчастной войны с Японией.

Отношения Франции с Англией были довольно холодные в течение нескольких десятков лет до японской войны. Холодность эта основывалась главным образом на соперничестве в азиатских и африканских районах Средиземного моря. Англия после последней Наполеоновской империи совершенно вытеснила доминирующее влияние Франции в Египте и, можно сказать, вырвала из ее рук Суэцкий канал. Затем она начала вести соперничество с Францией в тех частях северной половины Африки, которая естественно тяготела к Тунису, к Алжиру и к Марокко, т. е. к таким частям, которые или принадлежали Франции или находились под ее влиянием. Еще за несколько лет до японской войны произошел в Африке инцидент с экспедицией полковника Маршана, который делал исследования в области, тяготеющей к местностям, находящимся под влиянием Франции, водворил там французский флаг, а Англия в довольно {365} грубой форме заставила его снять. Этот инцидент возбудил большой переполох во Франции и она просила содействия России.

Россия, вследствие влияния графа Ламсдорфа и моего, посоветовала Франции не доводить дело до разрыва (Я сказал графу Ламсдорфу, что, по моему мнению, следует откровенно ответить Делькассе, что Россия не может в данном случае поддержать Францию на том простом основании, что флот наш столь слаб, что оказать какого либо давления на Англию мы не можем, а с другой стороны мы не имеем никакого непосредственного соприкосновения с Англией по сухопутной границе. Мы могли бы сделать диверсию в Средней Азии по направлению к Индии, но и тут, к сожалению, мы быстро ничего не можем сделать, потому что мы не связаны с Средней Азией непосредственно железной дорогой; нам придется войска везти через Кавказ. Каспийское море, по Закаспийской железной дороге, а если Волга не замерзла, то по Волге, а на это потребуется несколько времени, — следовательно, мы могли бы сделать диверсию тогда, когда столкновение между Францией и Англией было бы кончено. Граф Ламсдорф представил это мнение Его Величеству. Его Величество его одобрил и в этом смысле было отвечено Франции.), так как из за такого инцидента было бы неосторожно доводить дело до военных действий, к которым мы не готовы.

Франция уступила, но тогда же приезжал в Петербург министр иностранных дел Делькассе для того, чтобы обсудить, какие меры принять, чтобы в будущем иметь орудие к обузданию Англии при подобных ее резких выходках. Он усиленно ходатайствовал о том, чтобы была возможно скорее сооружена Оренбургско-Ташкентская дорога, дабы в случае чего можно было

угрожать Индии. Это желание было удовлетворено и тогда же по этому предмету была оформлена сделка, по которой французское правительство обязалось содействовать совершению во Франции соответствующего займа.

Вот в каких натянутых отношениях находилось французское правительство с С. Джемским перед японской войной.

Делькассе был довольно долго министром иностранных дел, он умный и честный человек, но весьма недалекovidный. Делькассе уже тогда, когда я покинул пост министра финансов и когда для всех хотя немного прозорливых людей было ясно, что безумная политика Алексева-Безобразова неизбежно, в самом непродолжительном времени, кончится войной, продолжал уверять всех в Париж, что войны не будет, чему я весьма удивлялся, находясь в это время там (См. стр. 235.).

Между тем, если бы Делькассе чувствовал возможность войны, то он от имени Франции не только мог, но должен был представить России всю опасность последствий войны. Он должен был {366} это сделать потому, что война в Манджурии, если бы она даже не была столь несчастна, как была, во всяком случае на долгое время ослабляла Россию на западной границе и передавала Германии в Европе если не роль европейского капрала, то во всяком случае дирижерскую палочку.

Перемещения главных сил России на далекий Восток во всяком случае временно обесценивали так называемый «русско-французский союз». Если бы Франция во время сделала энергичные представления России по этому предмету, проявила бы энергию для ослабления мальчуганского отношения со стороны России к ведению переговоров с этими, как их называл Император Николай II, «макашками», а с другой стороны проявила бы большую энергию к распознаванию того, что творилось в то время в Японии, то очень может быть, что войны совсем не было бы.

Я с своей стороны уверен, что энергичное слово союзной Франции заставило бы Россию совсем иначе вести переговоры, отнестись к ним более зрело и с большею опаскою.

Когда война вспыхнула и Россия начала терпеть ряд позорных неудач, то руководитель внешнею политикою Франции бросился в другую крайность, начал искать других если не союзов, то реальных сближений.

Подать руку Германии не решались, с одной стороны боялись общественного мнения Франции, с другой — впечатления в России, хотя в то время уже несколько взбаламученной «макашками», но все-таки России не Николая II, а Николая Угодника, а к тому же несомненно, что Германия, пользуясь в то время исключительно благоприятным для нее положением, руку бы Франции приняла, но вместе с существенными приложениями. Поэтому пошли на сближение с Англией, т. е. протянули руку Англии. Делькассе это сделал не только с ведома, но и с согласия России, а России, если бы даже были серьезные причины для возражений, возражать было трудно. Сама от союзницы ушла на другой край света, неловко же еще говорить союзнице, что мы теперь никакой помощи в случае чего оказать тебе не можем, но не хотим, чтобы ты сама себе помогла, как ты находишь

для себя удобнее, а к тому же соглашение Франции с Англией касалось таких предметов, которые непосредственно до России не касались и если бы это соглашение не вовлекло Россию в дальнейшие, хотя и не неизбежные последствия, то и вреда России принести не могло.

Таким образом, Франция соединилась с Англией в известной степени и с тех пор эти отношения все более и более {367} культивируются в том же направлении. Когда началась война, в которую нас вовлек в некоторой степени Император Вильгельм, то Германия от этого больше всех выиграла, так как нас ослабила на многие годы и обессилила, таким образом, союзника своей самой неприятной соперницы Франции. Достигнув такого громадного результата исключительно дипломатическими маневрами, основанными на том, что Император Вильгельм II познал Императора Николая II, Германия оставалась бы в покое несмотря на все беспокойство характера Императора Вильгельма. Увидев такое ослабление своего колоса-соседа, он ограничился бы только тем, что изливал бы свою дружбу Николаю II и влиял бы на Него, но после того, как Делькассе заключил договор с Англией, что произошло вследствие той же злополучной японской войны, он и германская дипломатия всполошились.

В англо-французский договор входило также разграничение влияния Франции и Англии в Марокко. Вот на этом германская дипломатия и решила разыграть свою музыку, так как в Марокко Германия также имеет коммерческие интересы, хотя весьма несущественные.

Германский Император поехал делать морскую прогулку в Средиземное море, а затем появился в Марокко с блестящей свитой. Там было ясно дано понять, что в Марокко Германия имеет свои интересы, которые она намерена поддерживать, что она желает находиться в дружеских отношениях с правительством Мароккского султана и что Франция и Англия не могут оказать воздействия на Марокко, поскольку сие не будет в согласии с тенденциями Германии. Появление германского Императора в Марокко уже само по себе не могло не произвести сильного впечатления на мароккское правительство и население и не умалить значения Франции.

Началась по этому предмету дипломатическая переписка между Германией и Францией; германское правительство стало предъявлять различные требования и по обыкновению в очень резкой форме (благо Франция рассчитывать на поддержку обессиленной России не может), явилось опасение разрыва и под шумок французскому правительству было сказано, что, куда будет Делькассе министром, германская дипломатия будет несговорчива. Поэтому Делькассе слетел и портфель министра иностранных дел принял президент министерства и министр финансов Рувье, отличный финансист, умный человек из плеяды сотрудников Гамбетты. Это случилось за несколько месяцев до моего приезда в Париж.

{368} Настроение Франции было таково, что она разочаровалась в существующем в России режиме, приведшем ее к полному ослаблению и позору и, вместе с тем, у нее явилось беспокойство за будущее. Не вздумает

ли Вильгельм опять натравить Германию на Францию, дабы, пользуясь удобным случаем, ослабить своего противника на несколько десятков лет. Поэтому, французское правительство и все благоразумные французы, сторонники союза с Россией, естественно желали окончания японской войны, дабы перетащить ее силы и помыслы из Манджурии на бассейн Вислы.

Как раз, когда я был в Париже, после моего свидания с Лубэ и первого свидания с Рувье, произошел следующий случай.

Вдруг Вильгельм направился в русские воды, в финляндские шхеры, в Биоркэ, куда поехал и наш Государь. В газетах появилось сообщение, что это свидание совершенно частное, родственное, не имеющее никакого политического значения, в подтверждение чего приводилось, что Императора Вильгельма не сопровождает канцлер Бюлов, а с нашим Государем не поехал министр иностранных дел граф Ламсдорф. Тем не менее, французские газеты забили тревогу и не без основания, так как по прошлому уже убедились, что германский Император всегда сопровождает приятное с полезным и любит соединять удовольствие свиданья с Императором Николаем с возможностью, угождая Его Царскому самолюбию и личному самомнению, втиснуть Ему такую штуку, после которой Россия чесала бы свой затылок многие и многие годы. Когда я уезжал, за несколько дней до этого из Петербурга, Ламсдорф мне ни слова не сказал об этой поездке, потому что он и сам о ней не знал. Государь также мне не сказал ни слова, хотя, конечно, уже знал, что поедет.

Я, хотя приходивших ко мне в Париже успокаивал, что эта поездка не имеет никакого политического значения, тем не менее телеграфировал гр. Ламсдорфу. Он мне сейчас же ответил, что это свидание не имеет никакого политического значения, что оно совершенно частное, родственное — просто вежливый визит.

С этой телеграммой я поехал к Рувье и успокоил его. Он меня очень благодарил, сказал, что это свидание также весьма обеспокоило президента Лубэ, и что он ему сейчас же сообщит о моем визите и депеше графа Ламсдорфа, чтобы успокоить президента.

{369} Во время моего пребывания в Париже, с самого вокзала и в течение всего времени, я был всюду охраняем агентами тайной полиции, сопровождавшими меня на велосипедах; префект полиции Лепин встретил меня с русским послом Нелидовым на вокзале (кстати, Нелидов оказался совсем здоровым; точно так, как и Муравьев сейчас же выздоровел, когда вместо него назначили меня), а затем проводил меня. Оказалось, что французское правительство боялось покушения на меня со стороны русских анархистов-революционеров, которые боялись, что мне удастся заключить мир.

В то время все европейские державы почему то имели обо мне высокое мнение, и все правительства единогласно выражали мнение, что если кто-либо сумеет заключить мир, то это только один Витте.

Когда я был в Париже, то я получил письмо от одного из столпов нашей революции Бурцева, который выражал, что нужно уничтожить самодержавие и, если мир может тому воспрепятствовать, то не нужно заключать его. Письмо это я переслал графу Ламсдорфу, который показал его Государю. Оно хранится в моем архиве *.

Когда мы приехали в Шербург, то узнали, что пароход, один из самых больших немецкой гамбургской компании, на который я должен сесть, опаздывает вследствие бури; таким образом, вместо того, чтобы уехать вечером, я уехал на следующее утро, причем ночевал в Шербурге в гостинице около пристани, причем эта гостиница была переполнена так, что мы достали еле-еле две очень некомфортабельные комнаты.

На другое утро я сел на этот пароход, если не ошибаюсь, под названием Wilhelm der Grosse, т. е. Вильгельм Великий. Меня на пароходе встретили с большим почетом, капитан и команда пароходная, причем при моем входе оркестр заиграл русский гимн.

* Уже будучи в Париже, я почувствовал чувство патриотического угнетения и обиды. Ко мне, первому уполномоченному русского Самодержавного Государя, публика уже относилась не так, как она относилась прежде только как к русскому министру финансов, когда мне приходилось бывать в Париж, и даже не так, как она относилась прежде ко всякому русскому, занимающему более или менее известное общественное или государственное положение.

Большинство {370} относилось равнодушно, как к представителю «quantité négligeable», и иные с чувством какого-то соболезнования, другие, впрочем малое меньшинство, с каким-то злорадством, а некоторые на вокзале в Париже при приезде и отъезде кричали «faites la paix». Все левые газеты относились к Государю и России недостойно и оскорбительно. Очень тепло меня встретил старик Лубэ, говорил с искреннею любовью и преданностью к моему Государю и только все, «comme ami sincère de la Russie», советовал непременно заключить мир.

Нравственно тяжело быть представителем нации, находящейся в несчастьи, тяжело быть представителем великой военной державы России, так ужасно и так глупо разбитой!

И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, или правильнее, наше мальчишеское управление 140 миллионным населением в последние годы.

Это я написал графу Гейдену в письме для Его Величества, о котором сказано ранее. Конечно, меня ненавидели, такую правду Цари редко когда слышат, а Царь Николай совсем не привык слышать.

Именно убеждение, что разбита не Россия, а порядки наши, подняло гордо мою голову со дня приезда моего в Париж и это дало мне силы в Америке одержать нравственную победу, а, с другой стороны, возмутило

меня, когда мне пришлось показываться на парижских улицах и видеть отношение ко мне части французского населения. Впрочем, может быть, но во всяком случае только отчасти, я преувеличивал отношение ко мне многих французов, что так было бы естественно щепетильной гордости представителя России, очутившейся случайно в несчастном положении. Если в Париже отношение к представителю России населения меня несколько корбило, то чувство это еще усилилось в Шербурге, где было оказано мне и моим сотрудникам, с которыми я там встретился, полное невнимание.

Я, затем, это высказал некоторым французским корреспондентам, которые, вероятно, передали это Рувье, ибо при обратном моем проезде он передо мною извинялся. Поэтому, когда я подъехал в Шербург к немецкому пароходу и на нем раздались звуки: «Боже Царя храни», и все русские и многие не русские пассажиры обнажили вместе со мною головы, то такое отношение к России, конечно, было для меня в высшей степени отраднo и еще более приподняло мой дух.

Под влиянием этого настроения, не зная того, что произошло во время моего пребывания в Париже, когда я ехал в Америку, в {371} Биорках, по возвращении моем в Париж, где меня встретили уже совершенно иначе, я, приняв, по усиленному ходатайству нашего посла Нелидова, сотрудника газеты «Temps» Tardieu, высказал ему о корректном отношении к Россия германского Императора и не особой корректности многих левых французских газет и когда это интервью, составленное крайне дружественно к французскому правительству и Франции вообще, появилось, то оно произвело большую сенсацию в левых французах.

А тогда уже Франция начала значительно леветь, скоро Рувье пал и явилось постепенное облевание правительства, покуда остановившееся на умном Клемансо. Ведь только несколько лет тому назад имя Клемансо, как главы французского правительства, перепугало бы всю буржуазную Францию, так как Франция это наибуржуазная из наибуржуазных стран.

Пользуясь сказанным интервью, мои враги и Муравьев, боявшийся, чтобы я не занял поста посла в Париже, которого он так жаждал, начали распускать во Франции легенду, что я ненавижу французов; отголоски этой легенды мне иногда приходится слышать и теперь через два года, когда, находясь во Франции, мне иногда приходится встречаться с легковверными, но милыми французами.

Переезд в Америку я сделал в течение шести суток. Море было довольно покойное, меня почти что не укачивало. На пароходе я обедал отдельно вместе со своей свитой, иногда приглашал на обед некоторых корреспондентов и только раза два я обедал вместе со всей публикой. Оказалось, что на пароходе едут многие люди просто из любителей сенсационных явлений для того, чтобы быть на месте во время предстоящего политического турнира между мною и Комуруо.

* На пароходе из числа корреспондентов я встретил знакомых мне: из русских Брянчанинова и Суворина. Первый — молодой человек, сын

бывшего рязанского губернатора, ныне женатый на дочери св. князя Горчакова, порядочно владеет пером, крайне беспокойный, всюду сующийся, не без способностей, но весьма неосновательный и легкомысленный. Может быть, со временем это пройдет. Он проводил мысль о необходимости для России мира, во что бы то ни стало, и своею болтовнёю вредил переговорам не в пользу России, {372} на сколько мог, конечно, им вредит молодой, не глупый болтун корреспондент Брянчанинов.

Ныне он кадет, сотрудник газеты «Речь» и, как муж Горчаковой, вероятно, в душе метит в канцлеры Российской империи в кадетском министерстве свихнувшихся буржуазных революционеров Милюкова - Гессена. Второй — милый юноша и только. Из иностранных — доктор русского университета, англичанин, весьма порядочный и верный человек, очень талантливый, пользующейся большою известностью в Англии и Америке, публицист Диллон. Он, как бывший профессор сравнительного языковедения в Харьковском университете, хорошо говорит и пишет по-русски, отлично знает Россию и в особенности современное состояние, имея связи со всеми партии и слоями общества. Макензи-Уоллес, посланный специально, как корреспондент короля Эдуарда, которому он и делал постоянные сообщения, несомненно вводя Его Королевское Величество в постоянные заблуждения, так как он до самого подписания договора утверждал, что договор не состоится.

Когда то Уоллес заведывал политическим отделом газеты «Times». Может быть, он хороший публицист, но что касается России, то всегда делал о ней самые превратные сообщения своим соотечественникам. Он хорошо говорит по-русски, но имеет слабость к аристократизму; будучи в России, проживает у аристократических семейств, якшается только с высшим обществом, а потому bona fide принимает за истину все, что там слышит, и сообщает этот материал своим соотечественникам. В Англии его мало принимают всерьез. Когда то он написал книгу о русском крестьянстве, где превозносил нашу общину. Еще за пол года до нашей революции он издал эту книгу новым изданием и выразил убеждение, что благодаря мудрому устройству русского крестьянства на общинном начале, у нас революция невозможна. Всю эту зиму он проживал в Петербурге и, как мне говорили, делал обо мне не особенно лестные сообщения. Вероятно это происходило под влиянием того круга лиц, между которыми он терся, а, может быть, и потому, что в Америке я к нему относился не серьезно и как то раз ему высказал, что его книга о русском крестьянстве служит доказательством того, как даже умные люди, но понимающие с чужого голоса, могут заблуждаться.

Гедеман — корреспондент «Matin», весьма талантливый, благожелательный к России человек, по натуре профессиональный, юркий корреспондент. Затем, были и другие корреспонденты, но что касается Европы, то в сущности Диллон и Гедеман дирижировали все сообщения в европейскую печать. Гедеман имел, кроме того, поручение {373} от некоторых членов французского правительства держать их в курс дела.

Со стороны немецкой печати не было ни одного заметного корреспондента. Это меня заставило вспомнить, что в противоположность тому, что мне сказал перед выездом из Парижа старик Лубэ («как искренний друг России я считаю необходимым заключить мир»), несколько месяцев ранее того Мендельсон, глава берлинского банкирского дома, человек близкий к императору Вильгельму, член высшей палаты в Берлине, сказал мне, что Бюлов просил мне передать, «что, если бы он был только друг России, (намекая на Францию), то советовал бы спешить заключить мир, но так как он больше, чем друг России, то этого не советует».

Со времени моего совершенно для меня неожиданного назначения первым уполномоченным прошло не более двух недель, в это время была такая суeta, что я не имел возможности сосредоточиться. Через шесть дней после того, как я сел на пароход, я уже должен был вступить в дипломатический страшный бой, поэтому я решил в эти шесть дней предаться размышлениям, сосредоточиться и внутренне, исключительно для себя определить план кампании.

Имея возможность на пароход часто находиться наедине и много передумав, я остановился на следующем поведении: 1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если Государь согласился на переговоры, то только в виду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена;

2) держать себя так, как подобает представителю России, то есть, представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) в виду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще.

Этой программы я строго держался в течение всего моего пребывания в Америке, где по особым условиям, в которых находился, я был ежеминутно на виду, как актер на большой сцене, полной {374} народом». Эта программа мне во многом помогла окончить дело благоприятным миром в Портсмуте. Таковым признал этот мир образованный мир всего света. Скажу более, еще за несколько дней до подписания мира никто бы не поверил, что мною будет достигнут мир на таких условиях.

Соответственно со сказанной программой я держал себя еще на пароходе, когда ехал в Америку, что создало между многочисленными пассажирами соответственную, благоприятную для меня, как первого уполномоченного, атмосферу, которая начала с парохода передаваться в публику и прессу *.

Из середины океана было дано Диллоном по воздушному телеграфу его интервью со мной по поводу предстоящих моих переговоров. Это было первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана. Интервью это, где я высказал мой образ действий, затем было, конечно, напечатано во всех европейских газетах и оно определило, как я смотрю на дальневосточную мою задачу.

* Весь ход переговоров, мои сношения с президентом и Петербургом видны из официальных документов, хранящихся в моем архиве, которые я, если буду иметь возможность, приведу в систематический порядок и снабжу там, где это окажется нужным, комментариями. Поэтому здесь я буду излагать по памяти то, что не могло составить предмет документов, — различные более или менее внешние явления и события.

Когда мы приближались к Нью-Йорку, наш пароход встретили несколько пароходов с корреспондентами различных американских газет. Когда эти корреспонденты вошли на пароход, я им высказал радость по случаю приезда моего в страну, которая всегда была в дружественных отношениях с Россией, и мою симпатию к прессе, которая играет такую выдающуюся роль в Америке. С тех пор и до моего выезда из Америки я всегда был, если можно так выразиться, под надзором газетчиков, которые следили за каждым моим шагом.

В Портсмуте, не знаю с целью или нет, мне отвели две маленькие комнаты, из которых одна имела окна таким образом направленные, что через них было видно все, что я делаю.

{375} Со дня приезда и до дня выезда из Америки меня постоянно снимали кодаками любопытные. Постоянно, в особенности дамы, подходили ко мне и просили остановиться на минуту, чтобы снять с меня карточку. Каждый день обращались ко мне со всех концов Америки, чтобы я прислал свою подпись и ежедневно приходили ко мне, в особенности дамы, просить, чтобы я расписался на клочке бумаги. Я самым любезным образом исполнял все эти просьбы, свободно допускал к себе корреспондентов и, вообще, относился ко всем американцам с полным вниманием. Этот образ моего поведения постепенно все более и более располагал ко мне, как американскую прессу, так и публику.

Когда меня возили экстренными поездами, я всегда подходил, оставляя поезд, к машинисту и благодарил его, давая ему руку. Когда я это сделал в первый раз к удивлению публики, то на другой день об этом с особой благодарностью прокричали все газеты. Судя по поведению всех наших послов и высокопоставленных лиц, впрочем не только русских, но, вообще, заграничных, американцы привыкли видеть в этих послых чопорных европейцев, и вдруг явился к ним чрезвычайный уполномоченный русского Государя, председатель комитета министров, долго бывший министром финансов, статс-секретарь Его Величества и в обращении своем он еще более

прост, более доступен, нежели самый демократичный президент Рузвельт, который на своей демократической простоте особенно играет.

Я не сомневаюсь, что такое мое поведение, которое налагало на меня, в особенности по непривычке, большую тяжесть, так как в сущности я должен был быть непрерывно актером, весьма содействовало тому, что постепенно американское общественное мнение, а вслед за тем и пресса все более и более склоняли свою симпатию к главноуполномоченному русского Царя и Его сотрудникам. Этот процесс совершенно ясно отразился в прессе, что легко проследить, изучив со дня на день американскую прессу того времени.

Это явление выразилось в телеграмме президента Рузвельта, в конце переговоров, в Японии после, того, как он убедился, что я ни за что не соглашусь на многие требования Японии и в том числе на контрибуцию, в которой он, между прочим, констатировал, что общественное мнение в Америке в течение переговоров заметно склонило свои симпатии на сторону России и что он, президент, должен заявить, что если Портсмутские переговоры ничем не кончатся, то Япония уже не будет встречать то сочувствие и поддержку в Америке, которую она встречала ранее. Телеграмму эту показал мне Рузвельт, когда я ему откланивался, покидая Америку.

{376} Рузвельт с самого начала переговоров и все время старался поддерживать Японию. Его симпатии были на ее стороне. Это выразилось и в поездке, уже предпринятой в то время, его дочери с американским военным министром в Японию, но как умный человек, по мере того как склонялись симпатии общественного мнения в Америке к России, он почувствовал, что ему опасно идти против этого течения, и он начал склонять Японию к уступчивости. Такому повороту общественного мнения содействовали и японские уполномоченные. В этом отношении они явились моими союзниками. Если они не были чопорны как европейские дипломаты-сановники, чему впрочем случайно препятствовала и их внешность, то тот же эффект производился на американцев их скрытностью и уединенностью.

Заметив это, я с самого начала переговоров, между прочим, предложил, чтобы все переговоры были доступны прессе, так как все, что я буду говорить, я готов кричать на весь мир, и что у меня, как уполномоченного русского Царя, нет никаких задних мыслей и секретов. Я конечно понимал, что японцы на это не согласятся, тем не менее мое предложение и отказ японцев сейчас же сделались известными представителям прессы, что, конечно, не могло возбудить в них особенно приятного чувства по отношению к японцам.

Затем было решено давать после каждого заседания краткие сообщения прессе, которые редактировались секретарями и утверждались уполномоченными, но и тут прессе сделалось известным, что малосодержательность этих сообщений происходит всегда от строгости цензуры японцев. Во всех разговорах с президентом и с публикой я держал себя так, как будто с Россией приключилось в Манджурии небольшое несчастье и только.

В течение всех переговоров на конференциях говорили только я и Комура; вторые уполномоченные говорили весьма редко и весьма мало. Я все время выражал свои суждения так, что однажды вызвал у Комуры восклицание: Вы говорите постоянно так, как победитель», на это я ему ответил: «здесь нет победителей, а потому нет и побежденных».

В Нью-Йорке посол задержал мне большое помещение в лучшей гостинице на лучшей улице. В этой гостинице для меня было приготовлено большое помещение, состоящее из спальни, из комнаты для моего человека, уборной, двух кабинетов, большой гостиной и столовой. За это помещение я должен был платить 380 рублей в день. {377}

Над балконом этого помещения развивался громаднейший флаг чрезвычайного посла русского Императора, Самодержца Всероссийского.

В городе была тогда страшная жара и публика была в разъезд. Вероятно американская полиция имела какие-либо сведения о готовившемся на меня покушении, ибо, как только я сошел на берег, начала меня охранять. Охрана эта была усилена после подписания договора, ибо говорили, что на меня готовится покушение со стороны японцев, проживающих в Америке. *

С другой стороны, наш посол объяснил мне, что до него доходят слухи, что на меня могут сделать покушение и евреи, а именно те русские евреи, которых в это время масса была в Нью-Йорке. Это все были выходцы-эмигранты из России после тех погромов, которые в России производились с Кишиневского погрома, устроенного Плеве, лозунгом которого было: «бей жидов».

* Американская охрана совсем незаметна по крайней мере для иностранцев, потому что охранники ничем не отличаются от американских джентльменов. В Европе охранника сейчас можно отличить, а в Петербурге охранники имеют такой вид, хотя они одеты как обыкновенные смертные, что их издали можно заметить: у них постоянно в руках большой черный зонтик, а на голове черная шляпа-котелок.

По приезде моем в Нью-Йорк меня предупредили, чтобы я не ездил в еврейские кварталы. В это время в Нью-Йорке уже было евреев до 500 тысяч человек, большинство покинувшие Россию главным образом по случаю трудности заработка и отчасти еврейских погромов. Вероятно, ожидали покушения оттуда.

Я взял по приезде автомобиль и поехал на нем с одним из чиновников посольства по всем еврейским кварталам. Евреи скоро узнали меня. Сначала смотрели косо, потом равнодушно, когда я с несколькими сказал несколько слов по-русски и поздоровался с ними, то относились ко мне большею частью добродушно и благожелательно.

На следующий день после приезда я с бароном Розеном поехал к президенту Рузвельту по железной дороге на остров Остереей на его дачу, находящуюся недалеко от Нью-Йорка. Сам президент еще не так давно был президентом этого города и, как говорят, отлично организовал там полицию.

Дача президента, лично ему {378} принадлежащая, крайне простая — обыкновенная дача небогатого бюргера. Прислуга — негры.

Рузвельт проводит идею полного их фактического равенства и за это подвергается нападкам части, хотя незначительной, общественного мнения.

Суть моей беседы изложена в вышеупомянутых официальных документах. Мы у президента завтракали. Президент, его жена, дети, я и барон Розен. Завтрак боле чем простой, на столе непокрытом скатертью, для европейца очень трудно варимый. Вина никакого — одна ледяная вода. Барону Розену была налита рюмка какого-то вина, как особое исключение. Президенту первому подавались блюда и он первый садился за стол и вставал. Он идет впереди жены.

Меня это удивило, так как это не соответствует европейским обычаям в особенности в семейном кругу. Жена французского президента все таки есть *madame* и *monsieur le président* есть *monsieur*. Разве только в очень парадных случаях президенту дается первенство, но тогда обыкновенно его супруга не принимает участия.

Моя продолжительная беседа с Рузвельтом по-видимому ему не особенно понравилась. Он при первом же свидании со мной выразил мнение, что при моих взглядах соглашение будет невозможно, и потому я начал говорить о том, как сделать, чтобы все таки окончить это дело прилично, дабы не задеть самолюбия его — президента, как инициатора конференции. Было высказано, что все таки нужно съехаться уполномоченным, констатировать непримиримую противоположность взглядов и затем разъехаться.

Через сутки после нашего приезда в Нью-Йорк приехал Комура со своей свитой. Вторым уполномоченным был назначен японский посол в Америке. Затем, на второй или третий день после нашего приезда была назначена наша встреча с японскими уполномоченными и затем отъезд в Портсмут на военных судах для занятий конференции.

Встреча была устроена в море около Остереея, дачи президента, на его яхте. Мы выехали на особом пароходе и ехали по заливу часа полтора до яхты. Когда я подъехал с бароном Розеном к пристани, там стояла масса народу, нас весьма сочувственно встретившая. На берегах залива расположено много фабрик. Все эти фабрики во время всего нашего пути гудели и свистели. Сперва я не понимал, в чем дело. Мне сейчас же объяснили, что фабрики нам салютуют и {379} выражают свое сочувствие.

Когда мы приехали к месту встречи и там узнали, как нас встречало население, то было обращено внимание на то, что японцы, которые ехали при тех же условиях, проехали тихо без оваций со стороны жителей. Мы подъехали с парохода на лодках к яхте президента, мне салютовали. Когда мы вошли на яхту, президент взаимно представил уполномоченных и их свиты и затем сейчас же пригласил завтракать. Я ранее выражал барону Розену опасение, чтобы японцам было дано в чем-нибудь преимущество перед нами, и в особенности настоятельно указывал на то, что я не отнесусь спокойно к

тому, если Рузвельт во время завтрака провозгласить тост за нашего Царя после тоста за микадо. Я боялся, чтобы президент, по неопытности в подобных делах и как типичный американец, не особенно обращающий внимание на формы, не сделал какой-либо оплошности в этом отношении. Барон Розен обо всем этом предупредил еще в Нью-Йорке товарища министра иностранных дел, долго раньше служившего в Петербурге в американском посольстве. Он был назначен заниматься конференцией и уполномоченными, он заранее установил, так сказать, церемониал, чтобы избежать каких-либо неловкостей. Что касается тоста, то он был связан с речью президента, таким образом отредактированной, чтобы тост провозглашался одновременно за обоих монархов. *

Конечно, первая встреча с японцами была очень тягостна в смысле нравственном, потому что как бы там ни было, а все таки я являлся представителем, хотя и величайшей страны света, но в данном случае на войне побитой и побитой не вследствие отсутствия с нашей стороны мужества, не вследствие нашего бессилия, а вследствие нашей крайней опрометчивости.

*Я ранее знал Комуру, когда он был посланником в Петербурге, а также часть его свиты. Комура несомненно имеет много выдающихся качеств, но наружностью и манерами не особенно симпатичен. Этого нельзя сказать о других японских государственных людях, с которыми мне пришлось встречаться, например: Ито, Ямагага, Корине, Мотоно.

После завтрака с нас, президента и главных уполномоченных, сняли группу. Президент отправился на своей яхте к себе домой, а мы уполномоченные со свитой — русские на приготовленное военное судно, а японцы — на приготовленное для них, и к вечеру оба судна снялись и пошли в Портсмут. Все время главным уполномоченным оказывались воинские почести.

{380} Не будучи особым любителем морских путешествий, я заранее просил, чтобы меня высадили в Нью-Порте, откуда мне дали до Портсмута экстренный поезд. Моя высадка была неожиданна. Я высадился только с одним из чиновников: барон Розен со всеми поехал на военном судне далее. *

Нью-Порт, с одной стороны, состоит собственно из города, очень маленького и не особенно богатого, а с другой стороны — из сплошных, самых роскошных дач. Это летнее местопребывание всех миллиардеров Нью-Йорка; кроме того, летом туда собираются вообще американские богачи со всей Америки, независимо от того, к ним в гости приезжает много европейцев. Каждая дача представляет собою дворец.

Хотя был ранний час, но в дачной половине города я встречал многих, ехавших верхом, и меня удивили их костюмы: все мужчины были одеты в очень легкие цветные рубашки, но не на русский манер, а на манер иностранный (т.е. рубашки эти входили в панталоны), в легкие панталоны и легкие сапоги с кожаными гетрами; несмотря на сильный солнцепек, они были без шляп с непокрытой головой.

В соответствующих костюмах ездили и амазонки; он точно также были без шляп, в очень легких и довольно коротких амазонках.

* В Нью-Порте я сделал визит губернатору, который был несколько удивлен моему появлению. Затем я обдал у капитана нашего судна, женатого на очень богатой даме. С нами обедали губернатор с женою и подруга хозяйки. Губернатор мне сказал, что правительство сперва хотело, чтобы конференция состоялась в Нью-Порте, но затем ему было дано знать, что нью-портское общество весьма радушно встретит русских, в особенности первого уполномоченного, имя которого пользуется большим авторитетом между американцами-финансистами, но что оно не будет столь внимательно к японцам, и что таким образом неизбежен явный контраст в отношениях к русским и японцам; после получения таких сведений правительство решило назначить Портсмут местом конференции.

Вечером я выехал ночевать в Бостон. Там я провел утро в университете и затем завтракал в университетском клубе с профессорами. Этот университет считается лучшим в Америке. Рузвельт воспитанник этого университета. Он высказывал мне, {381} что не желает выбираться в президенты республики на следующий срок, и что его желание заключалось бы только в том, чтобы быть выбранным в президенты бостонского университета.

После обеда я выехал экстренным поездом в Портсмут. К моему выезду в городе уже сделалось известным, что я в нем нахожусь.

Когда я явился на вокзал, то около моего поезда находилась масса публики. Охранники почему-то сочли нужным меня проводить до вагона под особою охраной. Затем просили меня не покидать вагон, но видя массу публики, из которой многие хотели ко мне приблизиться, я вышел из вагона и подошел к толпе.

Ко мне подошло много евреев и начали со мною говорить по-русски. Они мне сказали, что сравнительно недавно покинули Россию, так как не под силу им было более терпеть стеснения. Я расспрашивал некоторых из них, как они устроились? Они мне ответили, что сравнительно хорошо, во всяком случае имеют более средств, чем имели в России. Я им сказал, что значит они довольны своей судьбой. На это я получил ответ: «нет, не вполне, мы теперь американские граждане, а все таки не можем и никогда не забудем Россию, так как в ее земле хранится прах наших отцов и предков. Мы не питаем любви к российским порядкам, но все таки любим более всего Россию, а потому не верьте, если вам будут говорить, что мы желаем на конференции успеха японцам, мы все желаем вам успеха, как представителю русского народа, и будем молить о том Бога».

Я простился с ними и поезд тронулся. Прозвучал громогласный гул «ура!» Поздно вечером я очутился в своих двух маленьких комнатах в Портсмуте.

Портсмут состоит из двух частей: военной гавани с арсеналом, в

котором находится большой адмиралтейский дворец с большими залами, маленького городка, старинного для Америки, и затем несколько дач, казарм для небольшой части войск и большущей деревянной гостиницы, выстроенной для летнего пребывания небогатых людей. Вот в этой гостинице помещались уполномоченные, вся их свита, стая корреспондентов и масса вечно приезжающих и отъезжающих зрителей, желавших побывать в самом пекле совершающейся великой дипломатической драмы. Несомненно, что этот год был удивительно счастливый для владельцев этой гостиницы!

Эти три части Портсмута находятся в двух различных штатах: город в одном, а дачи, гостиницы и казармы в другом. {382} Американское правительство предложило содержание уполномоченных в Портсмут взять на свой счет. Эта любезность была не совсем приятна: нас кормили ужасно плохо. Все было крайне обильно, но не свежо и не здорово. Впрочем, если бы мы жили на свой счет, то все равно едва ли в Портсмуте мы могли бы питаться лучше. Через несколько дней я заболел, поставил себя на диету и держался ее все время пребывания в Портсмуте.*

Когда было объявлено, что конференция будет происходить в Портсмуте, то все помещения, а в особенности гостиницы были там разобраны.

Все помещения были так заняты, что несмотря на то, что правительство наняло главную и очень большую гостиницу — была такая потребность в комнатах, что мне, главному уполномоченному от русского Императора, были предоставлены две совершенно маленьких комнатки и третья, также очень маленькая, для моих двух камердинеров. Причем мой кабинет, как я уже говорил, был почти что стеклянный, так что все, что я делал в этом кабинете, было видно не только из многих номеров этой гостиницы, с веранды и балконов, но даже было видно с дороги проходящим мимо гостиницы.

Поэтому масса любопытствующей публики постоянно ходила мимо гостиницы, чтобы посмотреть, что делает главный уполномоченный Российской Империи, смотреть на те служебные собеседования, которые я имел с моими сотрудниками и массою корреспондентов, ежедневно желавших меня видеть.

Что касается этих корреспондентов, то они находились почти в постоянных сношениях с моими секретарями, но тем не менее, не довольствуясь этим, они довольно часто просили меня назначать им свидания, причем каждый корреспондент большой газеты, конечно, желал иметь сепаратное свидание для того, чтобы те сведения и заключения, который он мог почерпнуть из разговоров со мною, сделались достоянием только его газеты, а не достоянием газет, с его газетою конкурирующих.

* На другой день по приезде в Портсмут утром я сел на наше судно, которое стояло в нашем распоряжении все время нашего пребывания. Оба судна — наше и японское, ночью вошли в гавань. Мы высадились при парадной встрече и салюте из пушек и отправились пешком в адмиралтейский дворец. Я принял почетный караул. Тоже самое было сделано и для японцев, которые высадились после нас.

{383} В адмиралтейском дворце находилось все портсмутское общество и начальство. Оно было представлено уполномоченным и затем всем был предложен завтрак, после которого мы поехали в экипажах в город. Кorteж открывал товарищ министра иностранных дел, за ним ехали японские уполномоченные, потом русские и затем вся свита. Везде на улицах стояла публика, а в главной части города стояли шпалерами войска. Публика оказывала внимание японским уполномоченным, ехавшим в первой коляске, но затем, увидав нас, возобновляла с большой силой знаки своего сочувствия. Когда мы проезжали между войсками, то несколько раз слышался крик «Здравия желаем Вашему Превосходительству»; обернувшись в сторону крика, я увидел солдат, отдававших честь. Это были евреи в рядах американского войска.

Нас привезли в ратушу. Здесь нас встретил губернатор со всеми членами правительства города. Губернатор сказал речь, затем сняли со всех фотографическую карточку группую. Церемония была окончена и мы отправились к себе в гостиницу. На другой день начались заседания конференции. Мучительное и тяжелое время!

Хотя мы жили с японцами в одной и той же гостинице, мы друг другу визитов не делали, а только обменялись по приезде в Портсмут карточками. Только раз в конце конференции я попросил зайти второго японского уполномоченного, чтобы условиться относительно времени одного из последних заседаний: это было тогда, когда я заявил японцам, что ни на какие дальнейшие уступки я не соглашусь и что совершенно излишне тратить время, и когда между Комурой и его правительством происходили заминки в сношениях, не решались — прервать заседания или согласиться на мои предложения. В это время в Токио боролись две партии, одна, во главе которой находился Ито, она настаивала на том, чтобы согласиться на мои предложения, а другая военная, находившая необходимым настаивать на контрибуции, а иначе продолжать войну. Тогда именно президент Рузвельт, испугавшись, что общественное мнение в Америке все более склоняется к России и что окончание переговоров ничем может возбудить общественное мнение против него и японцев, телеграфировал Микадо, советуя согласиться на мои предложения. Комура получил приказ уступить, но сам Комура был против уступки и потребовал приказа непосредственно от Микадо, отчего и произошла заминка во времени заседания. Так, по крайней мере, сообщили мне {384} корреспонденты газет, находившиеся в постоянных сношениях с лицами свиты Комуры.

Японцы держали себя на конференции сухо, но корректно, только часто прерывали заседания, чтобы посоветоваться. На конференции присутствовали только уполномоченные, т. е. я, барон Розен, Комура, японский посол в Вашингтоне и три секретаря с каждой стороны. Говорили я и Комура, только несколько раз в дебатах участвовали вторые уполномоченные. Я хотел, чтобы присутствовали также ассистенты, но Комура, не знаю почему, решительно сему воспротивился. Некоторые

ассистенты были приглашены только на одно заседание. Это решение крайне огорчило Мартенса, и он все время не мог успокоиться. Я и барон Розен, мы ездили на конференцию без ассистентов, а Комура брал их с собою и держал их в комнатах, отведенных для японских уполномоченных. С ним был один советник, бывший адвокат, американец в Японии, который затем несколько лет тому назад поступил на службу в японское министерство иностранных дел и там играет большую роль, хотя и не показную. С этим то советчиком Комура постоянно ходил советоваться.

Будучи в адмиралтейском дворце, мы — русские и японцы — виделись между собою частным образом только во время непродолжительного завтрака. Я все время от пищи болел и говорил об этом Комуре, когда он справлялся о моем здоровье. Комура же мне всегда отвечал, что он чувствует себя превосходно, но как только окончилась конференция, он опасно заболел в Нью-Йорке, одни говорят — тифом желудка, другие — нервным потрясением.

После подписания мира русские и японцы начали между собою видеться и лица свиты Комуры говорили нашим, что Комура подписал мирные условия вопреки своим убеждениям, и что ему готовится незавидная участь в Японии. Действительно, когда в Японии сделались известными мирные условия, в Токио вспыхнула смута, памятник, сооруженный при жизни Ито, был разрушен толпою. Токио было объявлено на военном положении, войскам пришлось действовать, были раненые и убитые. Когда Комура вернулся в Японию, ему не только не дали никакой награды, но он был вынужден покинуть пост министра иностранных дел и удалиться в частную жизнь. Только потом, когда все успокоилось, он был назначен послом в Лондон. Я же был восторженно встречен, возведен в графство, затем наступила революция, которую мне пришлось подавить, как, вопреки моему желанию, назначенному председателем совета министров. Оставляя по собственному желанию этот пост, я удостоился милостивого {385} рескрипта и новой выдающейся награды, но затем уже попал в опалу...

Так играет судьба людьми через людей!...*

Меня очень удивляли некоторые своеобразные черты американской жизни. Так, например, большинство служителей в гостиницах и ресторанах, т. е. лица, подающие кушанье и убирающие столы, были ничто иное, как студенты высших учебных заведений и университетов, которые этим путем зарабатывают себе средства, так как летом служителям в ресторанах платят сравнительно очень большие содержание, доходящее до 100 долларов, т. е. около 200 рублей в месяц на всем готовом.

И эти студенты нисколько такую обязанностью не шокировались. Они надевали соответствующий костюм ресторанного кельнера и самым аккуратным образом служили во время обеда и убирали столы (только не исполняли самой грязной работы). Затем, после обеда, или после завтрака, они одевались, как все остальные, надевали иногда корпоративные знаки, ухаживали за дамами и барышнями, жившими в гостинице, ходили с ними по

паркам, играли, а когда время подходило к обеду — они уходили, снова надевали свой костюм кельнера и служили, как самые исправные кельнеры.

Эта черта американской жизни меня очень удивляла, так как, не говоря уже о том, что по нашим нравам ничего подобного в России быть не может, несмотря на то, что наши бедные студенты голодают, живя иногда на 10—20 руб. в месяц; они тем не менее были бы шокированы, если бы им предложили служить за столом в виде лакея, даже в самых лучших ресторанах. Впрочем, это не только в России, но, вероятно, так смотрят на это и в других местностях Европы.

Точно также меня удивляло, что барышни весьма хороших семейств, которые жили в гостинице, нисколько не считали предосудительным, вечером, во время темноты, уходить с молодыми людьми. Барышня с молодым человеком *tête à tête* уходила в лес, в парк, они вдвоем гуляли там по целым часам, катались в лодках, и никому в голову не приходило считать это в какой бы то ни было степени предосудительным. Напротив, — всякие гадкие мысли, которые могли прийти в голову посторонним зрителям по отношению этих молодых людей — считались бы предосудительными.

{386} Недалеко от гостиницы жили две молодые барышни с их матерями, очень милые и почтенные особы, и лица, находившиеся в моей свите, а также и я раза два ходили туда пить чай; молодые же люди засиживались там до позднего вечера, — и это не считалось ни в какой степени предосудительным, так как эти особы пользовались такою репутацией, что относительно их никакой тени дурной мысли никому и в голову не могло прийти.

Когда я был в Портсмуте, то часто, чтобы развлечься, я брал автомобиль и ездил на час — на два в окрестности, ездил в места, находящиеся в совершенно открытом океане, где были отдельные курорты для купающихся. Все эти отдельные места были очень хорошо устроены. Что меня особенно поражало — это открытый океан с его бурными притоками.

* Посол барон Розен, увидав, как со дня моего приезда в Америку общественное мнение начало склоняться в пользу России, очень настаивал, чтобы я, как бы ни кончилась конференция, совершил поездку по главнейшим городам Америки, чтобы еще более упрочить с ней отношения. Я об этом телеграфировал графу Ламсдорфу. Но прием, сделанный мне в Америке, уже сделался известным в Петербурге и многим мешал хорошо спать. Сейчас, конечно, начали наушничать. Государю внушили ведь, что я хочу быть президентом всероссийской республики, может быть, говорили: «Смотрите, как он умеет привлекать массы». Ведь Государь гораздо ранее, когда еще ко мне благоволил, говорил: «Витте, это гипнотизер, как только он заговорит в государственном совете или другом собрании, сейчас большинство, даже из его ненавистников, становится на его сторону». Не следует ему позволять создавать себе популярность.

Казалось бы, что касается президентства, то в данном случае должен был более опасаться Рузвельт I-ый, нежели Николай II. Ламсдорф мне

ответил на мою телеграмму, что Его Величество соизволил согласиться, но..... (и при этом мне ставились какие-то условия).

Зная атмосферу, окружающую Государя, я, конечно, сейчас же понял, в чем дело, и сам от проекта барона Розена отказался, о чем, может быть, не совсем деликатно телеграфировал графу Ламсдорфу. *

{387} Может быть, если бы такого рода телеграмму получил кто-нибудь другой из уполномоченных, то он этим не был бы фраппирован, но я, по моему характеру, не привык получать подобного рода наставления, а поэтому телеграфировал, что я этого путешествия делать не желаю.

Точно такой же случай произошел, когда я был на Дальнем Востоке; это было в 1902 году перед войной, когда я получил от японского императора приглашение приехать в Японию. Это приглашение очень поддерживал и наш посланник Извольский, который убеждал меня приехать.

В то время я играл такую громадную роль в России вообще, а на Дальнем Востоке в особенности, что для меня вполне понятно, что Извольский желал, чтобы я туда приехал, ибо я несомненно остановил бы, как с одной стороны и в Японии, а с другой стороны и в России, то течение мыслей и действий, которое привело через два года к страшной войне.

Но и тогда, точно также из Петербурга, я получил такого рода ответ: Поезжайте, но поезжайте, имея в виду, что вы будете там, как частный человек.

А это было очень трудно совместить, чтобы министр финансов русского Императора, отправившийся по его повелению на Дальний Восток и осматривающий сооружения Восточно-Китайской железной дороги, которые производились под моим высшим наблюдением, чтобы как только я переехал кусок моря, отделяющий Порт-Артур от Японии — сейчас же превратился в частного человека!

* Между тем, как только я уехал из Петербурга, начали интриговать, чтобы испортить мои отношения с Ламсдорфом, указывая ему на то, что я его хочу совсем затмить, сделаться канцлером и его устранить. Это выражалось в нескольких частных депешах, им мне посланных, и моих ему ответах (хранятся в моем архиве), и только наши по истине дружеские отношения при благородстве характера графа Ламсдорфа помешали этой интриге. Расчет же этих пошлых интриганов был такой: если будут нелады между Ламсдорфом и Витте, то дело в глазах Государя провалится и Витте провалится в Портсмуте; не даром мои враги говорили, когда я поехал в Портсмут: «Мы его в костер бросили!»

Из телеграмм Ламсдорфа и одной телеграммы личной Государя, в которой проявилась Его тревога, как бы я не согласился на {388} контрибуцию в скрытой форме, и зная вечно колеблющейся характер Государя, при слабости Его воли, я заметил, что на Государя действуют в том смысле, что — смотри, Витте из самолюбия заключит мир вопреки вашим инструкциям.

Я имел основание полагать, что в этом отношении на него больше всего действовал Коковцев.

Конечно, все это было только интрига. Единственную существенную уступку в смысле инструкции Государя мне данной, которая была сделана — это уступка южного Сахалина, и ее сделал Сам Государь. Сия честь принадлежит лично Его Величеству, я, может быть, ее не сделал бы, хотя нахожу, что Государь поступил правильно, так как без этой уступки едва ли удалось бы заключить мир.

Когда я подписал мир, то это было для всех и для Государя довольно неожиданно. Когда я ехал из гостиницы в адмиралтейский дворец в день, когда последовал мир, я сам наверное не знал, состоится соглашение или нет. Государь, получив мою телеграмму об заключении мира, видимо не знал, как Ему к этому отнестись, но когда Он начал получать от всех монархов самые горячие и искренние поздравления, и когда эти поздравления начали сыпаться со всех концов мира, то Он укрепился в сознании, что то, что сделано, сделано хорошо и только тогда Он послал мне благодарственную телеграмму. Его поздравил также самым восторженным образом Германский Император, и это понятно, Император этот уже успел в Биорках втянуть Россию в новое несчастье, может быть, еще горшее, нежели японская война, на случай, если состоится мир в Портсмуте.

Когда мне Рузевельт говорил, что весь мир желает, чтобы был заключен мир между Россией и Японией и я ему заметил:

«Разве и Германский Император также этого желает?», он мне ответил, что несомненно да. Тогда уже состоялось свидание в Биорках, а ведь Рузевельт находился в очень близких корреспондентских отношениях с Императором Вильгельмом. Первый — типичный по духу американец, большой патриот, второй — типичный по духу немец, еще больший патриот; таким образом оба главы государства представляют духовное выражение своих наций. Как тот, так и другой молодцы, оба оригинальны, беспокойны, резки, скоропалительны, но умеют держать такт в своих головах (Выражение это я заимствую от одного военного писателя, который как то сказал, что самый простой из всех барских танцев это мазурка: «болтай ногами как хочешь, а только держи такт в голове».).

{389} Естественно, что оба нашли между собою много точек соприкосновения, но, конечно, это не значит, что их отношения могли послужить к особому сближению Америки с Германией. Во-первых, Рузевельт есть временный калиф, сегодня он президент, а завтра простой американский гражданин. Во-вторых, ведь так еще недавно Вильгельм хотел экономического союза Европы против Америки (умеет вести свою линию).

Я, как уже говорил, со дня моего назначения главноуполномоченным, не получил непосредственно или посредственно ни одного слова от главнокомандующего Линевича, а ведь армия наша стояла в бездействии после Мукдена уже около полугода. Я не возбуждал вопроса о перемирии, приступив к мирным переговорам, для того, чтобы не связывать главнокомандующего. Он знал же, что мирные переговоры идут!

Ну что же, оказал ли он мне силою какое бы то ни было содействие?!
— Ни малейшего!

Со дня выезда моего из Европы японцы забрали у нас без боя пол Сахалина, а затем наш отряд встретился с японским между Харбином и Владивостоком и при первом столкновении отступил, а затем, когда мир был подписан, когда главнокомандующий не сумел отстоять свою армию от революции, когда он спасовал перед шайкою революционеров, приехавших в армию ее совершенно деморализировать, когда для водворения порядка в армии был послан генерал Гродеков, а Линеви́ч вызван в Петербург, этот старый хитрец вернувшись в Петербург, начал нашептывать направо и налево: вся беда в том, что Витте заключил мир, если бы он не заключил мира, я бы показал японцами»

На днях я здесь, в Биаррице, встретился с нынешним начальником нашего генерального штаба генералом Палицыным, который уже занимал это место до моего назначения главноуполномоченным. Я ему задал вопрос — просил ли Линеви́ч Государя не заключать мира и вообще, почему он бездействовал все время с того момента, когда заговорили о мирных переговорах?

На это он мне ответил: «теперь Линеви́чу, конечно, выгоднее всего кричать, что если бы мы не заключили мира, то он победил бы. Это совершенно естественно для мелких людей. Куропаткин идет дальше, он уверяет, что все виноваты в его поражениях, кроме него самого».

{390} Что же касается отношения Линеви́ча к мирным переговорам, то собственно о них, на сколько ему — Палицыну — известно, он ничего не телеграфировал Его Величеству, но телеграфировал, что он выработал план наступления, который посылает Государю на утверждение (хорош главнокомандующий!), а когда Государь ему ответил, что план этот не подлежит утверждению Его Величества, и что Государь уполномочивает его привести наступление в исполнение, то он замолчал и затих и так продолжалось все время, покуда не был заключен мир. А потом у него деморализировалась армия революционерами, что он тоже отрицает.

Что же касается поведения президента Рузвельта, то оно совершенно выясняется, по крайней мере, поскольку поведение это касается России, из документов, о которых я говорил ранее. Мои решительные ему ответы убедили его, что от меня он никакой уступки не получить, поэтому он и перенес свои домогательства в форме советов Государю Императору непосредственно в Петербург.

Как я говорил, в день, когда я поехал на заседание, на котором должно было решиться — примут ли наши условия японцы или нет, что зависало от того, получить ли Комура подтверждение от самого Микадо принять предложенные Россией условия, у меня не было уверенности, будет или не будет заключен мир. Я был убежден в том, что мир для нас необходим, так как в противном случае нам грозят новые бедствия и полная катастрофа,

которые могут кончиться свержением династии, которой я всегда был и ныне предан до последней капли крови, но с другой стороны, как ни как, а мне приходилось подписать условия, которые превосходили по благоприятности мои надежды, но все таки условия не победителя, а побежденного на поле брани. России давно не приходилось подписывать такие условия; и хотя я был не причем в этой ужасной войне, а напротив того убеждал Государя ее не затевать, покуда Он меня не удалил, чтобы развязать безумным авантюристам руки, тем не менее судьбе угодно было, чтобы я явился заключателем этого, подавляющего для русского самолюбия, мира и поэтому меня угнетало тяжелое чувство.

Не желаю никому пережить то, что я пережил в последние дни в Портсмуте. Это было особенно тяжело потому, что я уже тогда был совсем болен, а между тем должен {391} был все время быть на виду и играть роль торжествующего актера. Только некоторые из близких мне сотрудников понимали мое состояние. Весь Портсмут знал, что на следующий день решится трагический вопрос, будет ли еще потоками проливаться кровь на полях Манджурии, или этой войне будет положен предел. В первом случае, т. е., если последует мир, из адмиралтейства должны были последовать пушечные выстрелы. Я сказал пастору одной из местных церквей, куда я ходил за неимением православного храма, что, если мир состоится, я из адмиралтейства приду прямо в церковь. Между тем в течение ночи приехали наши священники из Нью-Йорка ожидать на месте окончания разыгравшейся трагедии, с соседних мест съехались под влиянием того же чувства священнослужители различных вероисповеданий.

Ночью я не спал.

Самое ужасное состояние человека, когда внутри, в душе его, что-то двоятся. Поэтому, как сравнительно несчастны должны быть слабовольные. С одной стороны, разум и совесть мне говорили: какой будет счастливый день, если завтра я подпишу мир, а с другой стороны, мне внутренний голос подсказывал: «но ты будешь гораздо счастливее, если судьба отведет твою руку от Портсмутского мира, на тебя все свалят, ибо сознаться в своих грехах, своих преступлениях перед отечеством и Богом никто не захочет и даже русский Царь, а в особенности Николай II». Я провел ночь в какой то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве.

На другой день я поехал в адмиралтейство. Мир состоялся, последовали пушечные выстрелы. Из адмиралтейства я поехал с моими сотрудниками в церковь. По всему пути нас встречали жители города и горячо приветствовали. Около церкви и на всей улице, к ней прилегающей, стояла толпа народа так, что нам стоило большого труда через нее пробраться. Вся публика стремилась пожать нам руку — обыкновенный признак внимания у американцев. Пробравшись в церковь, я с бароном Розеном, за неимением места, встали за решеткой в алтаре и вдруг нам представилась дивная картина. Началась церковная процессия, сперва шел превосходный хор любителей певчих, поющих церковный гимн, а затем церковнослужители

всех христианских вероисповеданий — православной, католической, протестантской, кальвинистской и других церквей. Процессия эта шла через всю {392} церковь и поместилась в алтаре (возвышение, огражденное низкой решеткой), а затем русский, а потом протестантский священник начали служить краткие благодарственные молебны за ниспослание мира и прекращение пролития невинной крови. Во время служения явился нью-йоркский епископ, скорым поездом приехавший из Нью-Йорка, чтобы принять участие в этом церковном торжестве. Он и русский священник сказали краткие проповеди. Затем последовало пение благодарственного церковного гимна всеми служителями церкви и церковными хорами. Все время многие молящиеся плакали. Я никогда не молился так горячо, как тогда. В этом торжестве проявилось единение христианских церквей, мечта всех истинно просвещенных последователей христианского учения, и единение всех сынов Христа в чувстве признания великой заповеди «не убий». Видя американцев, благодарящих со слезами Бога за дарование мира, у меня явился вопрос — что им до нашего Портсмутского мира? И на это у меня явился ясный ответ: да ведь мы все христиане. Когда я покидал церковь, хоры запели «Боже, Царя храни», под звуки которого я пробрался до автомобиля и когда гимн затих, уехал.

Когда я выходил из церкви, то еле-еле мог пробраться, причем, вероятно, по местному обычаю, старались всунуть мне в руки и в карманы различные подарки.

Когда после этого я приехал в гостиницу, то в моих карманах было найдено, кроме большого числа безделушек, и некоторые весьма ценные подарки, в виде драгоценных камней.

Почему мне удалось после всех наших жестоких и постыднейших поражений заключить сравнительно благоприятный мир?

В то время никто не ожидал такого благоприятного для России результата и весь мир прокричал, что это первая русская победа после более нежели годовой войны и сплошных наших поражений. Меня всюду возносили и возвеличивали. Сам Государь был нравственно приведен к необходимости дать мне совершенно исключительную награду, возведя меня в графское достоинство. И это при личном ко мне нерасположении Его и, в особенности, Императрицы и при самых коварных интригах со стороны массы царедворцев и многих высших бюрократов, столь же подлых, как и бездарных. Это произошло потому, что с появления моего в Америке я всем своим поведением разбудил в американцах сознание, что мы русские и по крови, и по культуре, и по религии им сродни, приехали вести у {393} них тяжбу с расой им чуждой по всем этим элементам, определяющим природу, суть нации, и ее дух. Они увидали во мне человека такого же, как они, который, несмотря на свое высокое положение, несмотря на то, что является представителем Самодержца, такой же, как их государственные и общественные деятели.

Мое поведение восприняли и все находившиеся при мне русские, что увеличивало объем впечатления. Мое отношение к прессе, к ее деятелям расположило их ко мне, а они везде, а в особенности в Америке играют громадную роль в смысле проведения впечатлений и идей, хотя часто и не прочных. Японские представители своим поведением содействовали мне в смысле впечатления на американцев. Американские евреи, зная, что я никогда не был ненавистником евреев и после моих бесед с их столпами, о которых я скажу несколько слов ниже, во всяком случае мне не вредили, в их интересах было поддерживать такого русского государственного деятеля, о котором, по всему моему прошлому, они знали, что я к ним отношусь, как к людям. Сие же последнее большая редкость за последние десятилетия, а ныне представляется в России заморским чудом.

Рузвельт желал, чтобы дело кончилось миром, так как к этому понуждало его самолюбие, как инициатора конференции; успех его инициативы усиливал его популярность, но симпатии его были на стороне японцев. Он хотел мира, но мира, как можно более выгодного для японцев, но он наткнулся на мое сопротивление, на мою с ним несговорчивость, а затем он испугался совершающегося поворота в общественном мнении Америки в пользу русских. О том, что Америке не особенно выгодно крайнее усиление Японии, ни он, ни вообще американцы не думали.

Вообще познакомившись с Рузвельтом и многими американскими деятелями, я был удивлен, как мало они знают политическую констелляцию вообще и европейскую в особенности. От самых видных их государственных и общественных деятелей мне приходилось слышать самые наивные, если не сказать невежественные политические суждения касательно Европы, например: — Турция существовать не должна, потому что это страна магометанская, ей не место в Европе, а кому она достанется, это безразлично; почему нельзя воссоздать отдельной сильной Польши, это так естественно и справедливо и т. п.

Франция жаждала мира, так как это был ее прямой и самый серьезный интерес. Ее же государственные люди, находившиеся у власти, большею частью лично симпатизировали своей союзнице.

Англия, {394} государственные и общественные деятели которой традиционные политики и мастера этого дела, желала, чтобы мир был заключен, конечно, более или менее выгодный для Японии, так как у них явилось совершенно ясное сознание, что России хороший дан урок, который принесет им пользу по урегулированию всех спорных с нею вопросов, но что, с другой стороны, чрезмерное усиление Японии для них может со временем представить опасность.

Как раз в это время истек срок соглашения Англии с Японией. В Лондоне велись переговоры о возобновлении договора и редакция окончательного соглашения ставилась в зависимость от того, что скажет Портсмут. На это я обращал из Портсмута внимание Ламсдорфа, но мы не могли узнать, почему именно переговоры в Лондон ставились в зависимость от переговоров в Портсмуте. Японская война произвела порядочную

пертурбацию в финансах Европы, а потому весь денежный мир желал, чтобы война кончилась.

Все христианские церкви и их представители сочувствовали заключению мира, так как все таки дело шло о борьбе христиан с язычниками. О том, что японцы, пожалуй, язычники, но особого рода, с непоколебимой идеей о бессмертной жизни и всеильной верой в Бога, это вопрос, о котором мало кто думал и знал, да многие ли это знают и ныне? Наконец, император Вильгельм. До свидания в Биорках в его интересе было еще более обессилить Россию, а раз были Биорки, его интерес также заключался в том, чтобы в Портсмуте дело кончилось миром. Не мог же он тогда думать, что Биорки потом провалятся.

Вот все те главные факторы, которые мне содействовали к заключению возможно благоприятного мира. Под влиянием всех этих течений японцы сдались на предложенные им условия. Им была внушена мысль — лучше получить существенное, нежели рисковать получить громадное.

Что касается депутации еврейских тузов, являвшихся ко мне два раза в Америке говорить об еврейском вопросе, то об этом имеются в министерстве иностранных дел мои официальные телеграммы. В депеше этой участвовали Шифф (кажется, так), глава финансового еврейского мира в Америке, доктор Штраус (кажется, бывший американский посол в Италии),—оба эти лица находились в очень хороших отношениях с президентом Рузвельтом, — и еще несколько других известных лиц.

Они мне говорили о крайне {395} тягостном положении евреев в России, о невозможности продолжения такого положения и о необходимости равноправия.

Я принимал их крайне любезно, не мог отрицать того, что русские евреи находятся в очень тягостном положении, хотя указывал, что некоторые данные, которые они мне передавали, преувеличенны, но по убеждению доказывал им, что предоставление сразу равноправия евреям может принести им более вреда, нежели пользы. Это мое указание вызвало резкие возражения Шиффа, которые были сглажены более уравновешенными суждениями других членов депутации, особенно доктором Штраусом, который произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он теперь занимает пост посла в Константинополе*.

Когда этот Штраус года два тому назад хотел приехать в Россию, то несмотря на то, что он был послом Америки в Константинополе, пришлось делать целый ряд сношений с полицией по вопросу о том, может ли он приехать в Россию или не может, только при особом контроле и на строго определенное время он мог приехать в Россию.

Такое варварское, полудикое отношение со стороны России к вопросам, по которым нет никаких сомнений во всех культурных странах, и привело к тому конфликту, который ныне переживает и Россия и Америка, вследствие денонсации Америкой торгового договора с Россией.

* На другой день после подписания договора я уехал в Нью-Йорк. По приезде туда я и барон Розен поехали к президенту в Остер-бей. У президента мы обдали в семейном кругу его. Я с ним много говорил, как до обеда, так и после него.

Еще до войны Америка применила к нам дифференциальную пошлину на сахар. В то время я был министром финансов. В этом действии американского правительства я усмотрел явное нарушение принципа наибольшего благоприятствования. Мы протестовали против этой меры, но безуспешно. Тогда по моему докладу Его Величество утвердил некоторые дифференциальные пошлины по отношению некоторых американских продуктов, что, конечно, было крайне неприятно Америке.

Когда я ехал в Америку, я исходатайствовал разрешение Его Величества заявить Президенту, что Государь устраняет эти дифференциальные пошлины. Я этим разрешением не воспользовался до и во время конференции, дабы не дать повода говорить, что мы {396} заискиваем расположение американцев, но после подписания договора с Японией, будучи у президента, объявил ему об этом Высочайшем решении.

Президент был очень доволен, на другой же день это было объявлено в американских газетах и произвело отличное впечатление. Президент во время разговора со мною, в особенности перед обедом, хотел видимо загладить те резкие по существу разногласия, который происходили между ним и мною, с самого моего приезда до того момента, когда он, видя, что со мною каши не сваришь, перевел свои домогательства непосредственно в Петербург. Он меня уверял, что он также действовал на японцев, чтобы они согласились на мои предложения и, в подтверждение своих слов, показал мне телеграмму, о которой я упомянул выше, в которой он, сообщая о перемене настроения американцев в пользу России и о том, что, в случае продолжения войны, Япония уже не будет встречать в американцах прежней поддержки, советовал принять наши условия.

Я просил президента дать мне его портрет с его подписью, что он с видимым удовольствием сейчас же исполнил. Затем мы беседовали на различные темы в самых любезных формах. Распростившись с ним и его семейством, вечером мы вернулись в Нью-Йорк.

Там я неожиданно явился на биржу. Биржа, дабы выразить мне уважение, заметив мое присутствие, прервала свои занятия и оказала мне особое внимание и сочувствие. Затем по приглашению командующего войсками в Нью-Йоркского округа генерала Гранта, сына известного президента, я ездил на остров, где он жил и где находится его главная квартира. Я хотел у него побывать, так как моя жена и я — мы в очень хороших отношениях с милейшей особой, женой кавалергардского офицера князя Кантакузена, графа Сперанского, дочерью генерала Гранта. Он меня встретил и проводил с воинскими почестями. Одно утро я провел в Нью-Йоркском (Колумбийском) университете, который мне оказал честь, выбрав

меня почетным доктором прав. Университет этот по обстановке богаче Бостонского.

Между прочим, беседуя с профессорами, я спросил профессора политической экономии, знакомит ли он слушателей с книгою Джорджа о национализации земли, на что он мне ответил: конечно, во первых Джордж один из талантливейших наших писателей, а кроме того я считаю полезным знакомить слушателей с его взглядами на земельный вопрос, чтобы выяснить его неосновательность.

{397} Многим нашим доморощенным русским экономистам было бы полезно послушать эти лекции и даже такому великому писателю, но наивному мыслителю, как граф Лев Толстой.

Я также спрашивал профессоров, возможны ли у них такие беспорядки, какие происходят в наших университетах, и что бы они сделали, если бы это у них приключилось. На это они мне ответили, что они об этом никогда не думали, так как им никогда не придется в такие дела вмешиваться, ибо сами слушатели, при малейшей попытке кого либо заниматься в университете чем бы то ни было, кроме науки, его немедленно выбросят из университета. Я обратил также внимание на то, что при университете имеется большое здание, служащее специально для физических упражнений.

Известный миллиардер Морган просил меня съездить на его яхте в военное училище, откуда выходят почти все офицеры американской армии.

Училище это расположено в часах трех езды по реке и замечательно богато устроено. Нас встретили с воинскими почестями и затем, после осмотра училища, на большом плацу начальник училища произвел парад всем кадетам. При осмотр училища я заметил, что, вероятно случайно, в тот же день для осмотра училища приехали японские офицеры, находившиеся в свите Комуры. Они были видимо крайне смущены, так как на них никто не обращал никакого внимания. Заметив это, я подошел к ним, поздоровался с ними и пригласил их быть с нами, если им угодно. Они очень меня благодарили и все время были в моей свите.

Парад был замечательно красивый. Кадеты эти совсем взрослые мужчины. У них очень красивые мундиры. Оригинальность была та, что между прочим маршировали под звуки «Боже Царя храни».

Когда раздались звуки этого прекрасного гимна, я снял шляпу и за мною последовали все присутствовавшие. *

Морган, хотя и имеет дворец в Нью-Йорке, но живет постоянно на яхте; на этой самой яхте он совершает путешествия из Америки в Европу, ездит по Средиземному морю и т. д., словом, всю свою жизнь старается проводить на море, находя не без основания, что это самая здоровая жизнь.

{398} На этой яхте Моргана, едуци в кадетский корпус, я завтракал со всею своею свитою, а на обратном пути обедал, и это был единственный раз, когда я, будучи в Америке, порядочно позавтракал и порядочно пообедал, так как,

когда я жил в гостинице, то и тогда, несмотря на совершенно баснословные цены, которые с меня брали: так 380 рубл. за номер и за обед с каждой персоны по 30—40 руб., причем за самый скромный обед, — и все-таки еда была очень гадкая.

* На яхте я вел разговоры с Морганом и спросил его, примет ли он участие в займе, который Россия будет вынуждена совершить для ликвидации расходов войны? Он не только соглашался, но сам вызвался на это и настаивал, чтобы я не вел переговоров с другой группой, еврейской, во главе которой стоял Шифф. Я их и не вел. Но затем, когда пришлось делать заем и Германия — по причинам, которые будут выяснены ниже — отказалась принять участие в займе, согласно желанию Императора Вильгельма, то и он ушел на попятный двор, может быть не без влияния германского правительства. *

Говоря о Моргане, между прочим, мне вспомнился следующий забавный разговор, происшедший между нами.

У Моргана болезнь носа; на носу у него находится нарост, как будто бы целая выросшая свекла, который, конечно, представляет большое уродство.

Уходя с его яхты, когда мы остались с ним наедине, я сказал Моргану:

— Позвольте мне вас поблагодарить и, между прочим, сделать вам маленькое одолжение. У меня есть большой приятель — знаменитый профессор в Берлин Ласар. Когда я как-то страдал кожной болезнью, — он меня лечил и вылечил. И вот, когда я ходил к нему в клинику в Берлин, то видел многих, имевших такие же уродливые носы; они у него лечились, он все эти наросты вырезал и у них получались совершенно нормальные носы.

На это Морган сказал, что он очень мне благодарен, что он сам это знает, знает даже этого знаменитого профессора, но, к несчастью, не может эту операцию сделать.

Я думал, что Морган боится, что ему будет очень больно или что-нибудь подобное.

{399} Но Морган мне сказал:

— Нет, я совсем не боюсь; я видел, как он это искусно делает, и несколько не сомневаюсь в результате. Но скажите, пожалуйста, — говорит — как я тогда покажусь в Америке? Ведь я тогда не в состоянии буду вернуться в Америку.

— Почему? — спрашиваю.

— Да потому, — говорить, — что если я приеду в Нью-Йорк после операции, то каждый мальчишка, который встретится со мною на улице, будет показывать на меня пальцем и хохотать. Все меня знают с этим носом и представьте себе, что я вдруг выйду на улицы Нью-Йорка без этого носа?

Мне этот ответ Моргана показался крайне странным, но он объяснил мне это самым серьезнейшим образом, и с большим сожалением, что он не может сделать этой операции.

После того, как я ездил осматривать это высшее американское офицерское училище, я ездил также на пароходе в Вашингтон, т. е. в официальную столицу Америки.

Я осматривал Вашингтон, осматривал Белый Дом Президента, Сенат, Палату депутатов и библиотеки и, конечно, самым интересным представлялся дом, где жил и умер великий Вашингтон, можно сказать, создатель нынешних Северных Американских Соединенных Штатов. Дом этот находится за городом над рекой Гудзон; замечательно, что все суда, как торговые, так и простые, которые проходят по этой реке, салютуют этому дому, а также все лица, проходящая мимо этого дома сзади, по дороге, снимают шапки. Вообще, можно сказать, что все американцы преклоняются перед этим домом, как перед святыней.

Осматривающим этот дом и это маленькое имение Вашингтона показывают место, где похоронен он и его жена. Между прочим, комнаты в этом доме, по нынешним временам, довольно скромных размеров, а во времена Вашингтона это считалось обширным помещением; в этом доме имеются довольно обширные залы, в этом же дом есть комната, которую показывают осматривающим, где жил известный французский генерал Лафайет, который участвовал в организации Америки; здесь же та комната, где умер Вашингтон и где жила его жена.

Там есть особое место, на котором растут деревья, которые были посажены различными более или менее известными лицами, {400} посещавшими это имение Вашингтона. В этом же самом месте и меня попросили посадить одно дерево; об участи этого дерева, в каком оно теперь находится положении, я не знаю.

Я осматривал все это в воскресенье, потому что у меня не было времени; в воскресенье я приехал в Вашингтон, в воскресенье же осматривал и самое поместье президента.

Обыкновенно в воскресенье этот дом бывает заперт, да и вообще по воскресным дням в Америке все бывает заперто. Но так как у меня не было времени, — я должен был спешить ехать обратно, то я и обратился к президенту с просьбою, не может ли он для меня сделать исключение и разрешить, чтобы мне показали этот дом в воскресенье.

Рузвельт сказал мне, что, к сожалению, он ничего сделать не может, потому что все исторические памятники Америки находятся в ведении особого женского общества, президентом которого состоит какая-то дама; все это люди очень богатые и они содержат на свой счет все знаменитые памятники Америки, причем они пользуются такою самостоятельностью, что если президент и обратится к ним, то они могут не исполнить его желания. Он посоветовал мне:

— Обратитесь к ней самой, объясните ей, что вы должны уехать, и я убежден, что в виду той популярности, которую вы приобрели в Америке, она сделает для вас исключение и разрешит осмотреть дом.

Я так и сделал, обратился к президенту общества депешей и получил ответ, что она с большим удовольствием распорядится, чтобы все было открыто и чтобы мне все показали.

Так и было сделано. Американское правительство дало мне свой пароход и уполномоченные общества мне все там в подробности показали.

Когда я вернулся в Нью-Йорк, то опять ездил в Ойстер-Бей откланяться президенту Рузвельту и опять у него завтракал.

На этот раз мы говорили с ним иначе, ибо в течение всего времени Портсмутской конференции и еще ранее, когда я был в Нью-Йорке, я с президентом во многом не сходилась; не соглашался на многие уступки, которые он желал, чтобы я сделал. Одно время наши отношения дошли даже до того, что Рузвельт не пожелал боле иметь со мною дела и начал непосредственно обращаться к Государю Императору.

{401} Поэтому некоторые вопросы были решены Государем Императором, и я прямо из Петербурга получил по этому предмету указания, хотя Его Величество знал мои мнения по этому предмету, а потому я не могу сказать, чтобы что-нибудь было сделано вопреки моим мнениям. Может быть, я бы не решился на некоторые уступки, — на которые решился Его Величество, но это происходило, само собою разумеется, потому, что я есть не что иное, как один из слуг Государя, а Государь представляет собою Самодержавного Монарха Российской Империи, ответственного за то, что он делает, только перед Богом.

Перед моим выездом Рузвельт дал мне письмо для передачи Государю. Письмо это он мне прочел. В письме этом говорилось о том, что Государь благодарил Рузвельта за то, что он помог окончить переговоры между Его уполномоченными и уполномоченными Японского Императора; что теперь он с своей стороны обращается к Государю с просьбой: в торговом договоре 1832 года имеется один пункт, который получил особое толкование со стороны России, а именно: по этому договору, — как понимают его в Америке, — все американцы могут свободно приезжать в Россию; могут быть различные ограничения, но не исходящие от вероисповедного принципа; если бы ограничения эти исходили из других принципов, если бы ограничения эти делались для того, чтобы оградить Россию от явного материального или другого вреда, то тогда такое отношение со стороны России к этому вопросу признавалось бы американцами совершенно естественным.

Но дело в том, что все американцы вообще могут приезжать в Россию, а только делается вероисповедное ограничение по отношению евреев. В письме говорилось, что американцы никогда не в состоянии усвоить и примириться с тою мыслью, что можно различать людей в отношении их благонадежности, или в отношении их порядочности по принадлежности к тому или другому вероисповеданию. А поэтому, чтобы установить дружеские отношения между Америкой и Россией, те отношения, которые начались,

благодаря моему пребыванию в Америке, он очень просит Государя отменить это толкование, которое установилось практикою, в особенности последнего десятилетия.

Как только я возвратился, я передал это письмо Государю Императору, а Его Величество передал письмо президента Рузвельта министру внутренних дел.

{402} Во время моего министерства по этому предмету была комиссия. Комиссия эта тогда не кончила своей работы. Впоследствии, во время министерств Горемыкина и Столыпина, комиссия кончила эту работу и пришла к тому заключению, что необходимо дать другое толкование той статье договора, которая говорит о праве России, как и каждого государства, делать ограничения, по отношению приезда подданных другого государства, но только не ставить вопрос о дозволении или недозволении въезжать в Россию в зависимость от признака вероисповедного.

Но почему то этому решению комиссии не было дано никакого хода. В конце концов, в течение почти шести лет вопрос этот не получил никакого благоприятного решения и дело это кончилось тем, что американцы денонсировали торговый договор на тех основаниях, что они не могут примириться с таким произволом и с несоответствующим духу времени толкованием той части торгового договора, которая говорит о праве въезда иностранцев в ту или другую страну.

Когда я ехал обратно из Америки в Европу, то это путешествие я совершил на немецком пароходе того же самого Гамбургского общества и еще большем, нежели тот, на котором я ехал в Америку, и пароход этот шел несколько быстрее. Пароход этот отличается всевозможным комфортом.

На обратном пути я ехал уже как простой пассажир, точно так же, как я себя держал немедленно после того, как я подписал Портсмутский договор. Так как я, когда приехал из Портсмута в Нью-Йорк, уже сложил с себя звание чрезвычайного уполномоченного и посла Его Величества, а потому и в Нью-Йорке, хотя и жил в той же самой гостинице, но мое пребывание стоило значительно менее, так как я уже платил за свой номер на русские деньги всего 82 р.. вместо 380 р., хотя и жил, вследствие этого, на 17-м этаже.

Как я говорил, вообще в Америке было чрезвычайно дорого жить, на водку, например, за подъем на машине дают не менее доллара, т.е. 2 р., мелких денег, в сущности говоря, в больших гостиницах как бы совсем не существует.

Так как я получил на поездку, как я уже говорил, всего 15 тыс. рубл. я потом дополучил 5 тыс. руб., всего 20 тыс. руб., то, {403} конечно, я должен был приплатить несколько десятков тысяч из своих собственных денег.

Будучи в Нью-Йорке на обратном пути, я, между прочим, пошел осматривать самые высокие дома и был в верхнем 37 этаже, куда подымался, конечно, на лифте. В это время был маленький ветер и видимо чувствовалось, что комнаты на самом верхнем этаже колеблются, что весьма

понятно, ибо ничтожное, бесконечно малое движение вниз уже выражается наверху в чувствительном колебании.

При обратной поездке по вечерам устраивали на пароходе пение и танцы, всегда вся публика была крайне наряжена, а равно происходили различные чтения.

Я, между прочим, вспоминаю, какое особое положение занимают там агенты охранной полиции, о которых я ранее говорил. Как то раз в Нью-Йорке я поехал на автомобиле с таким агентом, который одевается, как чистейший джентльмен, и вот мы проезжали по одной улице, которая была крайне загромождена экипажами, а особенно трамваями. Вдруг я заметил, что все движение полицейский сразу остановил, чтобы дать мне проехать. Я удивился, почему это он сделал, и увидел, что агент, рядом около меня сидящий, расстегнул свой сюртук и я увидел, что под сюртуком у него была лента с особым значком, и вот, увидевши этот значок, полицейский махнул рукой и все вдруг ему повиновалось и все движение было прекращено.

Вот у нас, особенно в монархической стране, вся публика взволновалась бы на такое действие полиции, а вероятнее, большею частью и не послушалась бы.

На обратном пути капитан парохода мне сказал, что он хочет в моем присутствии попробовать аппарат, только что введенный, который заключается в том, что его ставят впереди парохода на определенное расстояние и если этот пароход приближается близко к какому-нибудь препятствию и, между прочим, к пароходу, идущему по направлению к нему, то на пароходе начинает гудеть гудок. Аппарат этот сделан был для предотвращения возможных столкновений. Он мне показывал подробно этот аппарат и его действие и произвел фальшивую тревогу, дернув одну из проволок, и действительно, на пароход сразу начал гудеть гудок.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М., 1960. С.352-404.